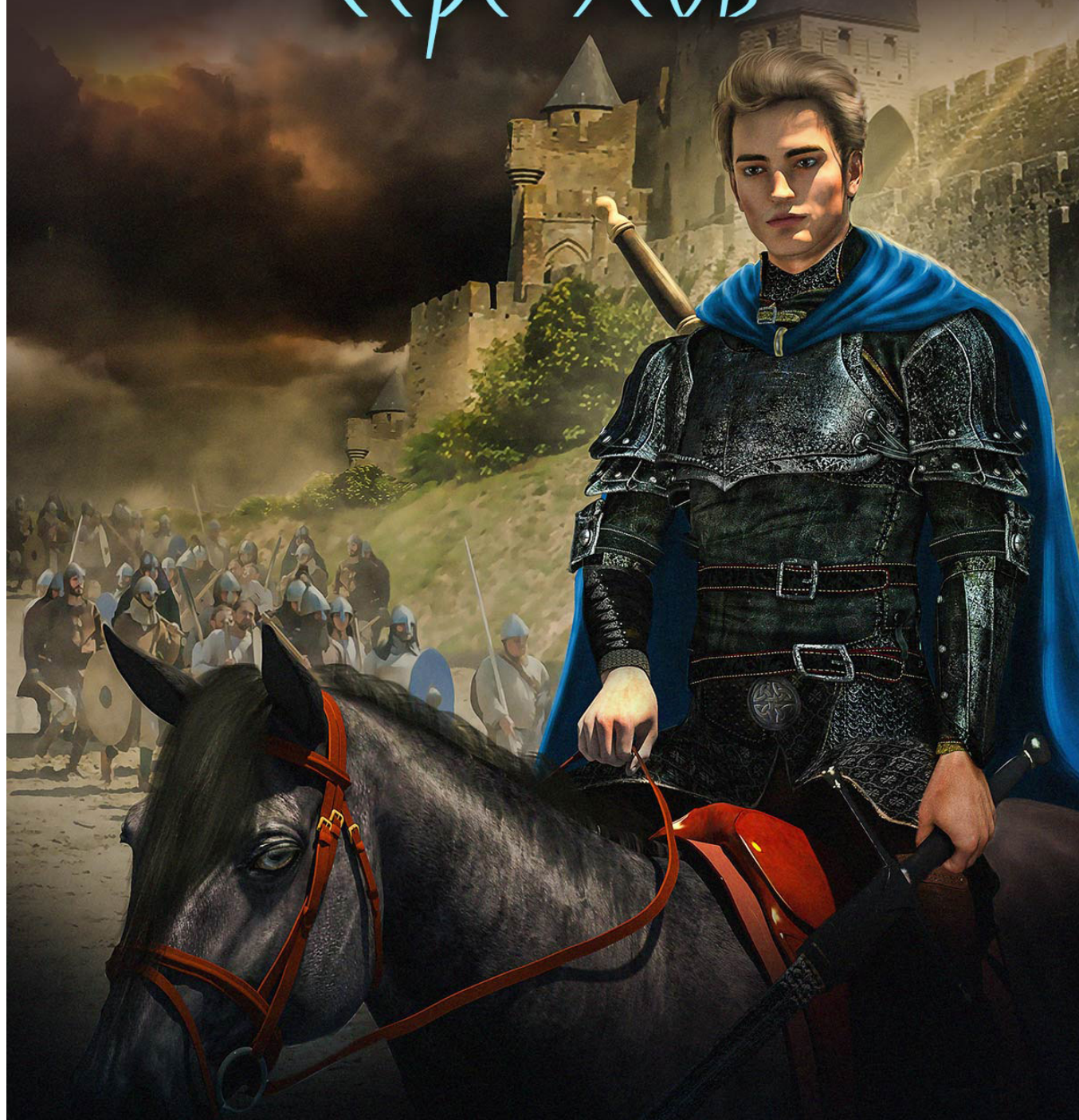

Серг Усов

ПОПАДАНЕЦ
В ТАЛАРЕЮ

Путь к престолу

ИДДК

Книга 7

Попаданец в Таларею

Серг Усов

Путь к престолу

«ИДДК»

2020

Усов С.

Путь к престолу / С. Усов — «ИДДК», 2020 — (Попаданец в Таларею)

«Путь к престолу» – фантастический роман Серга Усова, седьмая книга цикла «Попаданец в Таларею», жанр боевое фэнтези, попаданцы. Позади Олега долгий путь войн, политических интриг, прогрессорства. Впереди – императорская корона. Долго он сомневался, зачем ему такой тяжёлый груз на плечи, и, будь он сам по себе, пожалуй, от такой чести попаданец бы отказался. Но с ним его друзья, подданные и просто люди, за которых он несёт ответственность.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Серг Усов
Попаданец в Таларею.
Книга 7. Путь к престолу

© Усов Серг

© ИДДК

Глава 1

Прибытия Агрия он ждал ещё позавчера – прилетевший из Дирской крепости на прошлой декаде голубь доставил сообщение, что генерал разведки, лично ездивший в королевство Тарк, вернулся оттуда и направляется к регенту с докладом.

От Дирской крепости, точнее её было бы назвать фортом – настолько слабой и незначительной она была, закрывая небольшой и мало используемый проход в лесистых горах на границе Винора и Тарка, – ехать до столицы было как раз декаду. Если, конечно, поторопиться и использовать сменных лошадей. Но, видимо, генерала что-то задержало.

– Сейчас мы и выясним, что именно так затянуло поездку нашего славного разведчика, – сказал регент своему помощнику по всяким мутным делам и по совместительству командиру столичного полка, а главное, ещё и начальнику военной контрразведки барону Лешикю Гирвесту.

Они вдвоём сидели в кабинете дворцовых апартаментов регента Винора. Мону, вместе с мужем недавно присланную Улей в Фестал на одном из первых рейсовых дрезинных составов, можно было не считать – она, как всегда, была молчалива, незаметна и проворна.

– Генерал Агрий – один из тех, за кем я уследить просто не в состоянии, – вздохнул Лешик и вновь приложился к бокалу, в который он налил себе небольшое количество дорогого сорта кальвадоса и сейчас его смаковал. – И ввести в его окружение кого-то из своих людей я не смогу – вокруг него проверенные-перепроверенные ниндзя, совершенно преданные своему генералу. Правда, и тебе тоже. Тебе сильнее. Пока.

Лешик часто возвращался к тому разговору, когда Олег поручил ему не только выявлять шпионов, не только выискивать крамолу в офицерском корпусе армии, но и приглядывать за ближайшим окружением регента – своими товарищами.

Поручение ему явно не нравилось, что Олега раздражало – он-то уже давно сложил мнение о Лешике, возведённом им в барона Гирвеста, как о своём преданном, но всё же вполне беспринципном прохвосте.

И вот надо же, и в нём порядочность заиграла. И на кого теперь, спрашивается, во всяких гнусных делах полагаться? На Монса, Лешикова помощника? Этот бывший наёмник, когда-то участвовавший в похищении Ули, ею же исцелённый и прощённый, теперь на его сестру молился и считал её Восьмой в пантеоне Семи. На него, конечно же, можно было полагаться во многом, но он совершенно не годился для высшего общества. И воспитывать его было бесполезно. Вот с уголовниками иметь дела, устраивать разного рода сомнительные аферы или вести честную торговлю через магазин товаров Сфорца – в этом он был профи. Но и только.

– За Агрием и Нечаем я сам присматривать буду, – согласился Олег. – Ещё с кем-то у тебя проблемы?

– С самим командующим и его женой, – грустно кивнул барон. – Нет, к Чеку-то я своего человека приставил, вполне официально. Начальником особого отдела армии. Но мой ставленник сильно глубоко в жизнь маршала не лезет – я запретил категорически – там можно нарваться на ум твоей обожаемой Гортензии, а с ней, сам знаешь... Да и не думаю я, что тебе нужны проблемы со своими самыми ближайшими друзьями.

Проблемы-то Олегу с друзьями и правда были не нужны. Но он ведь реально задумал подвести их под королевские короны. А там другие расклады. Там дружба – это одно, а интересы государства – это другое. Он не сомневался в верности Чека и Гортензии, но вот за королём и королевой Тарка, кем они – он был уверен – станут уже в ближайшем будущем, присмотр нужен был обязательно.

– Генерал Агрий прибыл, – доложила о начальнике разведки улыбающаяся капитан Нирма, долгое время прослужившая под его командованием, пока не перешла в непосред-

ственное подчинение к Олегу, возглавив его службу охраны и исполняя при этом должность личного секретаря, иногда с расширенными – до постели, стола, ковра, стула, кресла – обязанностями. – Пригласить?

– Агрый! Не топчись там за дверью, заходи! – Регент обошёлся без посредничества Нирмы.

Никаких золотых погонов с большими звёздами или лампасов на штанах у этого генерала, естественно, не было. Как не было и строгого костюма с галстуком. В этом мире, хоть Олег и привносил в него много своего, всё выглядело по-иному.

Перед регентом и бароном предстал молодой, явно крепкий и сильный мужчина в кожаных, заметно, что укреплённых магией, доспехах и знаками различия гвардейского капитана.

– Наконец-то явился. – Олег не погнушался встать навстречу своему начальнику разведки и раскрыть объятия. – Не торопись к своему шефу? И правильно. От начальства всегда одни неприятности. А их всегда успеешь получить на свою шею.

Похлопав по плечам Агрия в дружеских объятиях, Олег дал такую возможность и Лешуку. Хоть эти два его соратника достаточно настороженно относились друг к другу, но и при Олеге, и в его отсутствие старались вести себя внешне дружелюбно.

– Извините, что задержался, – повинился улыбающийся Агрый. – Нужно было в Виле дожидаться пару своих разведчиков, которые возвращались с границы Саарона и Тарка. Не хотелось к вам являться с неполными сведениями в руках.

Следуя приглашающему жесту Олега, он уселся в одно из четырёх кресел, стоявших возле окна вокруг небольшого, уже сервированного столика.

Понимая, что его генерал проголодался, Олег поручил Моне накрыть стол чем-нибудь более существенным, чем нарезки и фрукты.

– Ты налегай, не стесняйся, мы с бароном уже позавтракали. Но компанию тебе немного составим.

Агрый, хоть и правда сильно проголодался, но ел крайне аккуратно и не спеша, сразу же приступая к докладу о положении дел в королевстве Тарк.

– Я у Нирмы, – он кивнул в сторону двери в секретарскую комнату-приёмную, – оставил бумаги с подробным докладом о своей поездке. Часть документов, составленных моими людьми насчёт того, что вы поручили узнать подробней – состояние дорог, расположение полков и владетельных дружин, их составы и качество комплектования, характеристики командного состава и остальное, я отправил командующему Чеку и министру Клейну.

Агрый посмотрел на своего босса, определяя по его лицу, правильными ли были его действия.

– Так и надо было сделать, – одобрил его действия Олег, беря со стола кусок сыра. Не столько потому, что хотел есть, сколько затем, чтобы его разведчик не стеснялся докладывать в процессе приёма пищи. – Мне сейчас только общую картину расскажешь, а подробности я прочитаю. Или мне Чек с Клейном доложат, если мне что-то потребует уточнить.

– Если вкратце, то ваше намерение напасть на Саарон в качестве ответа на их зимнее наступление всеми считается уже делом решённым, – Агрый так и не смог полноценно перейти в общении с Олегом на «ты», хотя был старше физического тела Ингара, в которое вселился попаданец с Земли двадцать первого века, на пару лет. – Те ребята, которых я дожидался в Виле, как раз удачно перехватили, подпоили и расспросили одного из помощников имперского посланника при Таркском дворе. В общем, и таркцы, и имперцы, и, как уверен имперский посол, остальные послы при Плавии считают, что уже в начале осени вы нападёте на короля Улинса.

В разговорах, которые велись в Виноре, когда говорили об империи или имперском, всегда имели в виду Хадонскую империю, которой руководили Агния, чей божественный статус считался неоспоримым – она вела свою родословную от бога Войны из пантеона Семи – и её

Совет. Если же речь шла о других империях Тарпеции – Оросской на севере или Кринской на западе материка, то это обязательно уточняли. Так что о каких дипломатах шла речь в докладе Агрия, Олегу было понятно.

– Это замечательно, Агрый, – усмехнулся регент. – Удивить – победить, – вспомнил он вслух одну из фраз суворовской «Науки побеждать», прочитанной однажды во время длительной поездки в поезде от безделья. У соседа по купе, сверстника-очкарика, типажа «ботан обыкновенный, начитанный», была с собой. – И как к этой новости относятся в Тарке?

– С оптимизмом. Чего не скажешь об имперцах. Я слышал, сюда уже пожаловали послы от божественной Агнии, чтобы мирить вас с Улинсом? – генерал бросил на Олега вопросительный взгляд.

– Ага, пожаловали. Ты молодец. Всё держишь под контролем, а не только то, что важно на данный момент. Так и держать. Потому что, никогда не знаешь, что может пригодиться. И мелочей в твоём деле быть не должно, – сейчас Олег выступал немного в роли Капитана Очевидность – Агрый это всё от него уже слышал, знал не хуже регента и действовал именно так. – Послы Агнии в Фестале уже больше декады. Только вот незадача – я всё время или отсутствую, или чем-то неотложным занят. Так что пока им приходится иметь дело с графиней ри Бруг.

– А Гортензия лить потоки ничего не значащих слов и выносить мозги умеет, – усмехнулся Лешик Гирвест.

Сказано было, конечно, немного грубовато и непочтительно – чего от него ожидать? – но в целом верно. Гортензия уже декаду встречалась с послами империи. Улыбалась, хмурилась, сочувствовала, возмущалась, не понимала, полностью разделяла, соглашалась, отказывалась, вспоминала исторические примеры, в общем, как сказали бы в родном мире Олега, тянула резину.

При том, что свою задачу по недопущению нападения Винора на королевство Саарон, которое империя втянула в антиоросский союз, её посланники частично уже выполнили. Олег и так не собирался бить Улинса. Не в этот раз. На очереди у него был Плавий Второй, главная гиена Тарпеции. Только знать об этом непосвящённым не следовало.

– Умеет, – согласился Олег, но строгим взглядом дал понять немного расслабившемуся за кальвадосом барону, что говорить в таком тоне об одном из самых близких друзей регента – Гортензии – не следует. – В чём выражается оптимизм нашего Плавия?

– Да всё как обычно, – пожал плечами разведчик. – Надеется, что вы хорошо побьёте Улинса и гиена отгрызёт себе кусок Саарона под шумок. У меня есть все основания предполагать – я там в бумагах подробнее описал – что одной Шварской провинцией Плавий ограничиваться не собирается. Похоже, он открыл рот и на Вылежские рудники. С вами он договариваться или как-то ещё решать вопрос даже и не думает. В Тарке рассчитывают, что ваш поход будет подобный тому, что вы недавно организовали против Линерийского королевства и Великого княжества Руанск. Устройте Улинсу погром и уйдёте, оставив Плавия свободу рук.

– Да, такой шанс упустить – не в характере старого жулика, – усмехнулся Олег. – Так он, значит, тоже мобилизуется к предстоящим боевым действиям?

– Нет. – Агрый наконец-то насытился и откинулся на спинку кресла. Кстати, кресла тоже были доставлены по рельсовой дороге. Их специально сделали для регента на одной из мебельных фабрик Палена. – Он считает, что много сил ему не понадобится, и стянул всю свою крошечную армию к границам Саарона. Пытается это сделать незаметно, но его полковники настолько тупые, а войска настолько недисциплинированные, что всем в королевстве известно не только, где они встали лагерями, но и с какой целью совершили свою передислокацию. В Саароне об этом если ещё и не знают, то скоро узнают. А дополнительных каких-то полков от мобилизовывать, сформировать или нанимать таркцами не планируется.

Армия Тарка никогда серьёзной военной силой не была. Плавий, в дополнение ко многим своим недостаткам, имел ещё и патологическую жадность. Поэтому его армия насчитывала всего одиннадцать полков, и это с учётом двух пограничных егерских и гвардейского. То есть, по сути, под рукой у маршала таркской армии, даже если оставить границы королевства без военного прикрытия, могло быть максимум восемь регулярных полков.

Плавий, когда планировал очередную захватническую кампанию, всегда прибегал к услугам наёмников. Казалось бы, наёмники дело дорогое. Но в том-то и дело, насколько знал Олег, король Тарка изначально платил наёмникам обещаниями. А в дальнейшем расплачивался с ними трофеями, награбленными у страны-жертвы. Он был первым в этом мире, кто подобно графу-мародёру Валленштайну из истории Средневековой Европы, собиравший в свою армию всякий сброд, и здесь придумал девиз «война кормит войну».

Вот только в этот раз Плавий решил и вовсе обойтись без наёмников. Во-первых, их услуги резко подорожали: все готовились к войне со всеми и нанимали любых свободных вояк и магов – тот же Улинс нанял пять или уже шесть полноценных наёмных полков, а во-вторых, Плавий предполагал, что после похода в Саарон виборского регента можно будет обойтись и теми малыми силами, что у него есть под рукой. Так зачем вообще платить, пусть даже и трофеями?

– Это хорошая новость, – Олег встал, дав знак своим соратникам не вскакивать вслед за ним, и стал расхаживать по кабинету. – Тогда мы немного откорректируем наши планы по направлению основного удара.

Главным достоинством своей армии Олег справедливо считал её высокую мобильность. Даже пехотные полки за сутки преодолевали свыше сорока лиг, и могли выдерживать такой темп движения почти декаду. Если же они перемещались по своей территории, пользуясь заранее подготовленными Гури и его людьми площадками и лагерями отдыха, с высланными вперёд обозами, то скорость передвижения сфорцевских полков могла превысить и пятьдесят лиг в сутки – они совсем чуть-чуть не дотягивали до скорости суворовцев, но Олег рассчитывал, что со временем его бойцы смогут эти рекорды побить.

Понятно, бригады латников – а в сфорцевской армии их уже было сформировано две полноценные по пять батальонов в каждой – были менее мобильными из-за довольно тяжёлых доспехов их солдат. Но у бригад и задачи были несколько иными.

Поэтому его армия, словно призрак, могла неожиданно возникать у самых границ любого потенциального противника.

С начальником своей разведки он обсудил ещё ситуацию и в Саароне, где король Улинс, довольно сильно напуганный рассказами многочисленных свидетелей эффективности действий загадочного Олега на всех войнах – с Геронией, с Растином, с Линерией и Руанском, да и действиями его не менее загадочной кровной сестры, разгромившей лучшие полки самого Улинса и его наёмников, судорожно и в большой спешке ставил в строй кого только возможно. Даже призвал всех сааронских владетелей к выполнению ими своих вассальных обязательств в полном объёме.

– Правильно делает, что боится, – одобрил действия сааронского короля Олег. – Возмездие неизбежно, хоть пока и отложено. . . Ладно, Агрий, благодарю. Иди отдыхай. А твои бумаги я чуть попозже почитаю. Вопросы у меня наверняка возникнут, так что завтра-послезавтра ещё встретимся и поговорим. И дальше я скажу, что делать. Всё. Иди.

– Когда уж тут отдыхать? – усмехнулся разведчик.

– Ты меня не понял, дружище. Отдыхать – это не моё пожелание. Это приказ. А приказы надо что делать? Правильно. Выполнять.

Речь Олег вёл не о физической усталости, естественно. Едва вымотанный генерал появился на пороге его кабинета, как тут же получил от регента полный заряд Малого Исцеления – давать своим подчинённым сил, бодрости и здоровья он никогда не забывал и никогда не

жадничал, но никакая магия в этом мире, к огромному сожалению Олега, не воздействовала на разум.

Истории о ментальной магии остались в давно прочитанных в другой жизни фэнтезийных книгах. А что такое моральная усталость и перегруженность мозга, Олег хорошо знал по себе. Иногда даже чувствовал, как порой впадает в ступор – когда ни одна дельная мысль не приходит в голову или вообще не хочется ни о чём думать. Сон разума рождает чудовищ – кто так говорил? Ницше или кто-то ещё – он не помнил, но был согласен, как говорится, обеими руками за.

Когда за начальником разведки закрылась дверь, Олег перестал расхаживать по кабинету и вернулся к столу.

– Хватит уже мои запасы опустошать, наглец, – он забрал из руки Лешика бутылку и со стуком поставил её на стол. – А то сейчас протрезвлю. День только начался, а ты, смотрю, уже слишком повеселел.

Барон Гирвест грустно вздохнул, но согласился, что так резко начинать свой день, пожалуй, не стоит. Хотя в этом мире, где до появления Олега с санитарными нормами было совсем плохо, вино или сидр пили с самого детства за каждым приёмом пищи. Даже рабы или сервы. Пусть им и доставалась большей частью кислятина. Винор этим всеобщим винопитием напоминал страны Средиземноморья.

Как бы то ни было, но излишеств в любых вопросах Олег не одобрял. Все его друзья, соратники и подчинённые об этом знали и старались никогда не перебарщивать. К тому же Олег всегда мог своим исцелением устроить «деньги на ветер».

– Явился офицер связи. По телеграфу пришло сообщение от герцогини ре Сфорц, – доложила Нирма. – И к вам на приём просится министр Клейн. Кого первого примете?

– Лешик, давай иди делом займись. – Олег приценился, надо ли трезвить своего особиста, и пришёл к выводу, что тот в норме, как обычно. – То, что мы с тобой до прихода Агрия обсудили, не надо затягивать. И Монсу скажи, что я на этой декаде хотел бы с ним поговорить. Пусть меня в восьмой день ждёт.

– В магазине или у себя в особняке? – уточнил Лешик, поднимаясь и бросая украдкой взгляд на бутылку элитного пойла, из которой отпил только меньше четверти.

– В особняке, конечно. В магазине много народа трётся, а у меня с ним разговор может затянуться.

Ни для кого не было секретом, что владелец магазина торговли товарами из герцогства Сфорц является человеком регента, но вот демонстрировать, что, помимо торговли, Монс ещё ведёт какие-то дела, важные настолько, что с ним лично сам регент беседует подолгу, Олег не собирался.

– Пусть офицер первым заходит, – сказал он Нирме, когда ушёл барон. – Хотя нет, стой, пусть оба зайдут.

От идеи почты Олег с созданием семафорного телеграфа не только не отказался, а наоборот, форсировал работы по её развитию во всём королевстве с перспективой её дальнейшего распространения на всю империю, которую он решил создавать под себя. Посылки телеграфом не отправишь, как и любовные или другие письма.

Олег удачно, как он считал, подобрал кандидатуру на должность главного почтмейстера – министра связи. Выслуживший в армии более сорока лет капитан егерей, из невладетельных дворян, найденный для регента Чеком, знавшим капитана ещё до своего знакомства с Олегом, оказался толковым организатором и хорошим неконфликтным исполнителем.

Сейчас бывший капитан разъезжал по королевству, организуя почтовые отделения в городах, почтовые станции в поселениях, закупая дилижансы Олеговой конструкции и лошадей, нанимая людей и много чего ещё. Работы ему предстояло очень много и не на один день.

А вот фельдъегерскую связь, как и созданный им семафорный телеграф, Олег оставил в структуре армии, создав войска связи.

На сегодняшний день в эти войска он уже рекрутировал свыше трёх тысяч человек – солдат, унтер-офицеров, офицеров и даже некоторое количество магов.

Основная масса его связистов пока была задействована в охране семафорных башен, но активно шло увеличение количества телеграфистов и фельдъегерей.

Впервые именно в войсках связи он ввёл звания мастер-сержантов, чтобы отделить специалистов от обычных солдат и в то же время обозначить их некомандный статус – в подчинении у мастер-сержанта был он сам.

Впрочем, жалование мастер-сержантам Олег назначил одинаковое с командирами десятков. Несправедливо? Ну это как посмотреть. Навыки и умения тоже чего-то стоят.

Первыми мастер-сержантами этого мира стали фельдъегеря и телеграфисты, освоившие азбуку Сфорца – хотя чего уж тут скрывать, сплагиил Олег эту идею у товарища Морзе.

Правда, сочетание чёрточек и тире Олег придумывал сам, потому что, кроме букв сигнала SOS, других он в подлиннике никогда не знал.

В дальнейшем Олег планировал введение званий мастер-сержантов и в остальных частях армии – у тех же инженеров, но пока, как обычно, у него всё руки не доходили. Судьба попаданца не так увлекательна, как когда-то ему казалось при чтении любимых книг. Основа его нынешней жизни – сплошная рутина.

– Что там срочного? – спросил он у вытянувшегося в строевую стойку офицера связи.

Офицер сделал три шага вперёд и положил на стол перед регентом лист бумаги с расшифровкой полученных знаков.

Для связистов – Олег не пожалел времени – была разработана особая форма доспехов из укрепленной магией чёрной кожи.

«Красавчик», – немного с юмором подумал Олег, глядя на подтянутого офицера. Придуманная форма Олегу самому нравилась.

– Герцогиня Уля ре Сфорц сообщает, что направляется сюда, в столицу, по рельсовой дороге. Сегодня во второй половине дня. Из Пскова.

Глава 2

Олег выполнил все свои обещания строителям трассы Е95, рельсовой дороги и семафорного телеграфа.

Его северные бригады, начавшие строительство намного позже, но более многочисленные и более профессиональные, всё же успели раньше Улиных люмпенов.

Если быть более точным, то трассу и дорогу они к бывшему Жерову, ныне городу Бологое – переименование состоялось в соответствии с его указом и многочисленными просьбами местных жителей – сделали чуть позже, но зато обогнали «южан» со строительством башен и узлов связи. «Северяне» потом ещё помогали «южанам» в достройке их части объектов семафорного телеграфа.

К завершению строительства почти все каторжане отработали зачёт по году, а то и по два списания с приговоренного им десятилетнего срока, а три северных и одна южная бригады, признанные лучшими по результатам соцсоревнования, всё в точности с обещаниями регента, вернулись к своим семьям.

Понятно, что начавшееся строительство трассы М5 «Дон», рельсовой дороги и семафорного телеграфа вдоль неё, велось сейчас в бешеном темпе. Приходилось даже сдерживать энтузиастов – Олег просто не мог уделять сейчас столько времени строительству и без Ули просто-напросто не справлялся.

Были, конечно, и проблемы с каторжанами. Не без этого. Но касалось это в основном «южан». Это Вилские пленники были крепко связаны круговой порукой в виде бригадного подряда и своими семьями, хоть и освобождёнными от преследований, но находившимися под надзором властей.

А вот среди люмпенов, набранных в Сфорце, всё же находились такие, что при удобном случае норовили сбежать и пристроиться к разбойному ремеслу. Так что приходилось и конвой содержать усиленный, и егерям была работа по поиску и отлову сбежавших каторжан и разбойных банд.

– Я не сомневался, что баронесса Ленер примчится в Фестал при первой же возможности, – Клейн тоже прочитал телеграмму от Ули, в которой та сообщала о своём скором прибытии и о том, что с ней придут генерал Бор, министр финансов Армин и министр торговли и снабжения барон Гури Ленер с супругой. – Дворцовая челядь... несчастные, они не знают, какое бедствие на них готово обрушиться.

Если бы Олег когда-нибудь мог поверить, что его премьер-министр может шутить, он бы его шутку поддержал. Веда на самом деле из прислуги всю душу вытрясет – бардака и разгильдяйства она не терпела совсем. И, надо признать, поводов для её недовольства в королевском дворце найдётся масса.

– Можешь идти, лейтенант, – отпустил регент офицера связи.

Идти тому было недалеко – во дворце, точнее, в его левом крыле, откуда хорошо была видна одна из южных башен городской стены, переоборудованная под телеграф, на верхнем этаже было выбрано помещение, где теперь и располагался дворцовый узел связи, службу в котором, меняясь через сутки, несла дежурная смена из офицера, двух мастер-сержантов и десятка охраны.

Охрана дворцового узла связи, как и остальных постов и узлов на всей линии телеграфа, осуществлялась самими связистами. На вопрос с подковыркой, который задал по этому случаю Чек, зачем в охраняемом гвардейцами и ниндзя дворце размещать ещё и охрану из связистов, Олег ответил, что пусть войска связи полностью отвечают за свой участок деятельности – от и до.

К тому же устраивать из дворцовой службы синекуру регент не собирался и уже ввёл ротацию и солдат, и унтеров, и офицеров войск связи. Сегодня они служат в королевском дворце, а завтра – на затерянном в дремучем лесу телеграфном посту.

– Надо будет ждать их уже перед обедом, – кивнув на телеграмму, сказал Олег.

– Я думаю, раньше. К завтраку они не успеют, а вот через склянку после него...

– Да? Посмотрим.

Никакого расписания движения дрезин, понятно, ещё не было, да и будет ли в ближайшее время – большой вопрос.

Поэтому срок прибытия герцогини и её сопровождающих можно было только рассчитать. И то весьма приблизительно.

Приезда Ули он ждал с нетерпением не только потому, что необходимо было её участие в строительстве новой дороги из магического мрамора, но и потому, что банально по ней соскучился. При этом прекрасно понимал, что уже через пару-тройку дней после своего прибытия она его порядком достанет своими вопросами, предложениями и просьбами. Но относился к этому философски – это жизнь, куда от всего этого деваться?

– Работу над налоговым кодексом, как я понимаю, мы пока откладываем? – спросил Клейн.

Несмотря на приглашение сесть, Клейн, отрицательно мотнув головой, остался стоять на ногах. Олег не возражал, зная, сколько времени ежедневно его премьер-министру приходится отсиживать себе задницу, работая с огромным количеством документов. Выразаться также грубо, как Сталин, называвший Молотова, своего верного соратника, железной жопой, Олег бы никогда не стал – в конце концов, Клейн не из удовольствия натирает себе пятую точку, зачем вешать на него оскорбительные эпитеты?

– Почему ты так решил? – удивился Олег.

– Так война ведь будет совсем скоро. И не такая короткая, как я раньше предполагал. Судя по тем документам, что мне передал генерал Агрый, мы входим в длительную войну со всеми?

– Ты не перегибай, Клейн. Не со всеми. Но действительно надолго. Вот только это не повод бросать все наши дела. Так что работу над налоговым кодексом мы не только не отложим, а наоборот, ускорим. Пусть и не всё будем внедрять сразу и повсеместно.

От идеи ввести налог в виде подушной подати Олег, скрепя сердце, отказался. Хотя это был самый простой налог для администрирования. Не зря его Пётр Первый позаимствовал из существовавших в то время в Европе. Перепиши людей и установи каждому сумму ежегодной выплаты в зависимости от его социального положения. И не нужно содержать огромное количество мытарей, которые будут учитывать всякую ерунду: сколько человек сточил обуви, выковал мечей, налепил горшков, пошил штанов, какой собрал урожай, на сколько наторговал или ещё чего.

И вроде бы условия и возможности у Олега были хорошие – растущие производства Сфорца постоянно генерировали сверхприбыли и давали ему возможность не гнаться за последней шкуркой ремесленников, крестьян или торговцев. Можно было вполне установить щадящий, а для каких-то категорий и вовсе формальный размер ежегодных выплат, но вот ведь и с логикой Клейна тяжело не согласиться.

– Хорошо, – вздохнул Олег, прочитав и осмыслив выкладки своего премьер-министра. – Тогда будем использовать наш второй вариант. Или, точнее, симбионт двух вариантов – упрощёнки и вменённого налога. Пусть твои посчитают, конечно, ещё раз. Но Клейн, мне в налогах важнее не размер его сбора, хотя, конечно же, и это важно, а налоговая дисциплина. Для меня главное, чтобы платили все. Продумай, с опытными мытарями посоветуйся, как нам лучше сделать. Усёк? Тогда готовь все данные к заседанию Малого Совета. После военных дел обсудим и это.

Клемения ждала его к себе на обед. Поэтому с Клейном они проработали не больше трёх склянок.

– Ты не желаешь пойти со мной к королеве? – предложил Олег.

Ответа на вопрос не требовалось – достаточно было просто посмотреть на лицо премьер-министра, закатившего глаза в потолок.

– Если позволите...

– Да чего ж не позволить-то? – улыбнулся Олег. – Я всё понимаю. И не хочу отнимать у тебя столь короткий отдых.

Одной из первых пассажирок рельсовой дороги стала жена Клейна Иретта, наконец-то приехавшая в Фестал и поселившаяся в купленном мужем особняке, неподалёку от королевского дворца – Иретта не хотела жить в дворцовых апартаментах. Клейн, который по причине своей загруженности покидал особняк рано, а возвращался поздно, для общения с любимой женой использовал и обед.

– Я бы завтра, если позволите, отправился вместе с вами на вокзал, – попросил он. – Мне необходимо переговорить с министром Гури. А то ведь он вам доложит и умчится в Вил.

– Не вопрос. Конечно, отправимся вместе. Как с ближайшей к столице станции телеграфируют, что герцогиня проехала, я за тобой пришлю кого-нибудь.

Может быть, регенту лично встречать кого-то было и не по статусу, но в данном конкретном случае он считал для себя возможным требования этикета проигнорировать.

Если трасса из магического мрамора подходила к мосту через ров возле южных ворот, то рельсовая дорога заканчивалась в трёх сотнях шагов от городских стен с восточной стороны Фестала.

На месте, где заканчивались рельсовые пути из Пскова и откуда началось строительство такой же дороги до Вила, был построен первый в этом мире вокзал.

Пусть, на взгляд Олега, это был, скорее, вокзальчик, местное население, включая королеву и придворных, это сооружение приводило в восторг – Олег в его архитектуре использовал в качестве примера вокзал Ростова. Естественно, сделанный в уменьшенном почти на порядок размере.

Когда на следующий день, уже после завтрака, который Олег разделил с Клеменией, запыхавшийся мастер-сержант принёс известие, что дрезинный поезд проехал последнюю перед столицей станцию, регент, помимо королевы, не забыл оповестить и своего премьер-министра, как и обещал.

– Нирма, сейчас не до этого, – Олег укоризненно посмотрел на ниндзя, которая, словно бы случайно, прижалась к стоявшему возле большого зеркала регенту, помогая ему поправить воротник. – Вечером, если будет время.

– Теперь у вас на меня времени совсем не будет, – вздохнула девушка.

Олегу было понятно, на что она намекает. И о чём тоскует. И ведь была полностью права в своих предположениях. В её мыслях сейчас наверняка было имя Веды.

– Нирма, распорядись насчёт кареты, – дал он команду.

На всём протяжении двухпутной рельсовой дороги, через каждые сто – сто двадцать лиг были построены станции. Конечно, по возможности их постарались расположить возле городов или поселений, а там, где это не получалось, строили небольшой форт.

Станции служили не столько для регулировки движения – надобности в этом при двух путях и пока небольшом количестве циркулирующих по рельсовой дороге дрезинных составов не было – сколько для смены рабов у рычагов движения. На станциях постоянно дежурило две смены по четыре человека, которые заменяли уставших, и десяток рабов, так называемой разгонной команды.

Дрезинный состав из трёх платформ, считая и саму дрезину, разгонялся до пятидесяти – шестидесяти лиг в склянку, что, по прикидкам Олега, примерно соответствовало сорока кило-

метрам в час. Но это достигалось при полной скорости. А чтобы его быстрее разогнать до неё, и были организованы на каждой станции специальные команды, как Олег их иногда называл, толкунов-разгонщиков.

Дичь, конечно, полная. Окажись рядом с Олегом другой попаданец из их родного мира, то наверняка бы поднял его на смех. Но пока Трашп не довёл до завершения идею с паровозами, придётся обходиться тем, что есть.

– Я с тобой, если не возражаешь. – Клемения отказалась от своего экипажа и, не дожидаясь согласия Олега, забралась к нему в карету. Несмотря на свою беременность, сделала она это довольно проворно. – Ты знаешь, мне даже не верится, что Уля наконец-то вернулась. Я уж думала, что ты её, как этих своих каторжан, на десять лет к работам определил.

Клейн, собиравшийся ехать вместе с регентом в одной карете, быстро сориентировался и взял коня у одного из сфорцевских гвардейцев.

– Тронулись! – скомандовал командир эскорта, гвардейский капитан.

Олег признал в нём одного из тех, кому он лично вручал лейтенантские знаки сразу после разгрома легиона наёмников Болза. Кажется, это его десяток в том сражении захватил штандарт одной из баталий. Теперь уже лейтенант пехоты дослужился до капитана гвардии. «Время-то бежит, – подумал Олег. – Не успеваешь замечать».

Карета плавно тронулась и выехала за ворота дворцового комплекса.

Клемения, сидевшая спиной по направлению движения, смотрела на регента и весело улыбалась.

– Ты бы в твоём-то положении, – Олег кивнул на её живот, – могла и во дворце мою сестру дождаться. Да и что люди-то подумают, когда увидят, как королева явилась собственной персоной герцогиню, своего вассала, встречать?

Клемения бросила взгляд в окно кареты и презрительно скривила губки.

– Какое мне дело до мнения этих червяков? – Она поправила складки платья и погрозила Олегу пальчиком: – И хватит уже меня за нос водить, Олег. Я уже давно поняла, что не только при Уле, но и при тебе моему здоровью, как и здоровью моего будущего ребёнка, ничего не грозит.

Насчёт её или будущего ребёнка здоровья Олег был с нею согласен – магия исцеления была при нём. Как у того профессора на экзамене аппаратура. Но вот насчёт отношения к мнению народа, тут он считал, что королева стоит не на правильной позиции, и надо будет выбрать время, чтобы её маленько подправить. Пусть и не сейчас – разговор должен состояться серьёзный и обстоятельный.

– Смотри, как знаешь, – пожал он плечами, – тебе тут руководить всем после меня.

Клемения с интересом посмотрела на него.

– Хм. А я-то полагала, что после тебя тут будет руководить мой ребёнок, когда вырастет и станет совершеннолетним... при твоей, естественно, поддержке. Или ты куда-то собрался?

Она усмехнулась, но было видно – немного насторожилась.

– И да, и нет, Клео. Но это серьёзный разговор, и я хотел бы вернуться к нему немного позже. Когда буду готов к нему.

Количество тем, которые ему надо будет обсудить с Клеменией, росло прямо на глазах. А ведь ещё, как говорится, не вечер.

О его намерении, с нападения на Тарк начать строительство своей империи, Клемения была ни сном ни духом, полагая, как и все остальные, кроме самых ближайших соратников Олега, что он готовит акцию возмездия Улинсу. А её добровольная, именно добровольная, поддержка его имперских амбиций значительно бы упростила его задачу политически. Гортензия, когда он с ней этот вопрос обсуждал, даже поднимала вновь тему его женитьбы на Клемении. Разумеется, опять безуспешно.

– Вот что у тебя за привычка, Олег? Сначала раззадоришь моё любопытство, а потом уходишь в сторону. Или отделяешься ничего не значащими словами. Если ты мне завтра не прояснишь, с чего вдруг я стану управлять Винором, я на тебя обижусь сильнее, чем за тот сюрприз с помилованием и изгнанием бывшего герцога ре Вила. И взглядом своих красивых глаз ты моё сердце не разжалобишь.

В этот момент карета проехала арку восточных ворот и покатила по дороге из магического мрамора, которую Олег счёл нужным построить от ворот до вокзала. Вроде бы каких-то триста шагов, а прокатиться по ней доставляло удовольствие нешуточное.

Глядя на Клемению, тщетно пытающуюся скрыть свой восторг, Олег невольно загордился собой, хотя, казалось бы, давно уже за время своей карьеры наделённого суперспособностями попаданца должен был к этому привыкнуть. Но, видимо, человек так устроен, что любое признание его заслуг всегда будет вызывать положительные эмоции.

Неожиданно ему вдруг вспомнилось лицо Ипполита из кинофильма «Ирония судьбы...» в момент, когда Надя, развернув обёртку его подарка, очень обрадовалась настоящим французским духам. Вспомнив частичку своего прошлого мира, он постарался сдержаться и не показывать на своём лице такого же самодовольства, которое так замечательно изобразил Юрий Яковлев.

– Хорошо, – Олег решил предложить компромисс, – я тебе расскажу, но не завтра, а послезавтра. Идёт? Ну, Клемения, один день ничего ведь не решает. К тому же, уверен, тебе теперь будет чем заняться. Наверняка ведь Уля привезёт что-нибудь новенькое.

– Договорились, – засмеялась королева. – Умеешь ты уговаривать.

К вокзалу они приехали раньше, чем прибыл состав из Пскова. Порядков времён Дикого Запада, когда многочисленные банды нападали на поезда, в Виноре ещё не было. И Олег рассчитывал, что никогда и не будет. К тому же на этом дрезинном составе ехал не кто-нибудь, а сама герцогиня ре Сфорц, так что любому, кто пожелал бы воспрепятствовать движению состава, можно было бы только посочувствовать. Поэтому, естественно, никакого волнения из-за неприбытия гостей в ожидаемое время у Олега не было. Ошибка в его расчётах, не более.

Прибытие состава они сначала слышали, а лишь потом увидели. И дело, конечно, было не в шуме, который производила дрезина или вагоны, сделанные в виде вытянутых в длину карет, на манер вагонов псковской конки, а в криках, которые слышались из толпы зевак.

За те три с лишним декады, которые прошли с момента открытия движения по рельсовой дороге, зрелище дрезинных составов, мчащихся с невиданной ранее в этом мире скоростью, не успело горожанам наскучить.

И каждый день, несмотря порой на довольно грубые действия солдат лешиковского полка, разгонявших толпу, излишне напивавшую на выставленное вокруг вокзала оцепление, горожане, свободные от работ, и дети постоянно толпились возле рельсовой дороги.

– Ты из кареты лучше не выходи, – посоветовал Олег королеве. – Я Улю сам встречу и сюда приведу.

Его совет, ожидаемо, остался без внимания.

– Эй, офицер, – крикнула Клемения начальнику эскорта. – Помогите своей королеве, – она, собственноручно распахнув дверь кареты, высунула ножку, обутую в атласную туфлю, наружу.

– Да я сам, чего уж, – хмыкнул Олег, знаком дав понять гвардейцу, что его услуги не нужны.

Проигнорировав опущенную лакеем каретную лесенку, Олег прыгнул на магический мрамор дороги и подал Клемении руку.

– Благодарю вас, регент, – величественно кивнула Клемения, но глаза её при этом смеялись. – Вы очень любезны.

Зрелище прибытия дрезинного состава глазами людей этого средневекового мира выглядело удивительно и зачаровывающе. Олег же еле сдерживал усмешку от сюрреализма происходящего.

Пассажиры состава пялились в окна рельсовых карет-вагонов с не меньшим удовольствием, чем те, кто смотрел со стороны. Хотя, казалось бы, за сутки поездки рассмотрение проносящихся мимо пейзажей могло бы и надоест. Впрочем, Олег понял причину столь восторженного любопытства пассажиров – их внимание привлекли перрон и вокзал Фестала.

– Вижу Улю! Вон она. Возле переднего окна. Видишь?

Поглядев на Клемению, Олег глубоко вздохнул и улыбнулся. Королева вела себя сейчас, как девочка. Казалось, молодая женщина вот-вот запрыгает и хлопает в ладоши.

Посторонних в этот момент ни на перроне, ни на вокзале, ни в самом составе не было – лешиковский полк, который Олег иногда про себя называл внутренними войсками, об этом позаботился. Герцогиню ре Сфорц с соратниками регента встречали только гвардейцы эскорта и регент с королевой. Рабы, находившиеся здесь для различных подсобных нужд, были не в счёт. Да и кто их когда считал?

Так что нарушение всех норм этикета при этой долгожданной встрече Олег считал допустимым. Видимо, так же считала и сама графиня Гортензия ри Брог, появившаяся вместе с мужем на платформе вслед за регентом и королевой.

– Олег! – Уля повисла у него на шее и долго не отпускала.

Глава 3

В этот вечер не только прибывших гостей столицы, но и местных фестальских старожилов, приглашённых на торжественный приём, в королевском дворце ждал огромный сюрприз. Один из тех, что Олег готовил не просто тщательно и давно, а и с огромным для себя удовольствием, порой даже манкируя ради этого своими обязанностями правителя.

Одним из недостатков этого мира, так часто портившим настроение попаданцу, было совершенно не развитое музыкальное искусство.

Нет, понятно, что и отсутствие таких привычных для Олега вещей, как интернет, книги, фильмы и прочие радости, которые вроде бы незаметны и воспринимаются очевидными, как воздух, тоже сильно расстраивало. Всё же человек – не животное. Ему мало сытно наесться, согреться и поспать в комфорте. И даже любовные похождения, частые войны, политические интриги, прогрессорство, пирушки или другие средневековые развлечения, вроде зрелищ казни или охоты на несчастных лосей, кабанов или зайчиков, не могли полностью загрузить разум человека из двадцать первого века Земли.

Музыка. Она окружала его в родном мире на самом деле, как воздух. Он её не только слушал в наушниках или на концертах. Музыка звучала везде и постоянно.

К своему стыду, за свою недолгую жизнь в прошлом мире он ни разу не прочитал пушкинскую «Метель». Зато эту повесть прочитал Георгий Свиридов. И написал замечательные одноимённые вальс и романс, чьи мелодии знакомы всем с детства. А ещё были Чайковский и Моцарт, Бетховен и Штраус, Высоцкий и Цой, «На-На» и «Ласковый май», «Бони-М» и «Куин».

Смешно всё смешивать? А вы попробуйте пожить без этого. Олег вот жил, но ему порой так не хватало привычных мелодий, что накатывала самая настоящая хандра, о которой он раньше только в книгах читал и думал, что это всё выдумка.

Присланные ему Улей в середине лета мастера столярного производства и молодой раб-бард сразу же были взяты Олегом в оборот.

Начал он, правда, как это с ним часто случалось, с глупой ошибки. Убедившись, что молодой музыкант на самом деле талантлив и имеет абсолютный слух, регент поторопился снять с него рабский ошейник. И вывел того, как говорится, из строя на три-четыре дня. Моцарт – а именно такое имя дал бывшему рабу Олег в его новом статусе – от счастья только и мог, что смотреть на благодетеля преданными глазами, полными слёз – что значит творческая чувствительная натура – кивать, во всём соглашаясь, и ничего не понимать.

Желание наорать на будущего всемирно известного музыканта и композитора Олег в себе подавил, хоть и с трудом. Выждал время и принялся объяснять принцип нотной грамоты. Все вопросы Моцарта насчёт того, почему между «до» и «ре» или от «ре» до «ми» – тон, а от «ми» до «фа» – полутон, и зачем нужны диезы с бемолями, Олег отмёл в сторону, приказав просто воспринимать это как истину в последней инстанции и тщательно записывать – бывший раб, к счастью, оказался ещё и грамотным.

Создать в этом мире духовые музыкальные инструменты, если наморщить лоб, поломать голову и привлечь команду Трашпа, Олег бы, наверное, смог. Но, во-первых, это было бы долго; во-вторых, его механики и так загружены задачами выше крыши – создание первого образца паровоза чего только стоит; в-третьих, зная примерно устройство инструментов, Олег не имел никакого представления, как на них играть, как извлечь все нужные ноты с помощью всего трёх клавиш; ну и, в-четвёртых, однажды в городском парке родного города в прошлой своей жизни Олег слышал игру ансамбля народных инструментов, который шутивно исполнял как классику, в том числе и симфоническую, так и современные шлягеры. И понравилось тогда не только ему, а всем зрителям-слушателям, встречавшим каждое выступление овациями.

Нет, как настраивать и играть на балалайках, домрах или дутарах, он тоже не знал, но сама возможность на струнных инструментах красиво исполнять мелодии любых жанров была им воспринята.

Олег решил создавать ансамбли гитаристов с сопровождением ударных инструментов. Причём гитары он решил делать различных размеров – от совсем маленьких, подобных той, на которой играла героиня Мерилин Монро в фильме «В джазе только девушки», до четырёх-струнных больших бас-гитар. Благо проблем с изготовлением любых струн в этом мире, благодаря магии Укрепления, не было и до него.

С мастерами-столярами Олег обсудил устройство и изготовление гитар. Труднее всего, конечно, далось размещение ладов на грифеле, но эту проблему они мозговым штурмом довольно быстро решили.

Монс, подручный Лешика и формальный владелец фирменного магазина товаров Сфорца, подобрал для столяров дом-мастерскую в приличном районе города и, пользуясь своим влиянием среди криминалитета, обеспечил мастерам возможность спокойно и безопасно работать.

Наверное, и без этой подстраховки работам по изготовлению гитар ничего не грозило, но пригляд лишним не будет. Монс так рассудил и без подсказки регента.

Для Моцарта и команды музыкантов, которых ему Олег поручил подобрать, походив по городским трактирам – регент распорядился каждому из них выплачивать по два рубля в декаду, не считая бесплатного питания, проживания и гонораров за концерты – нашли небольшой особняк неподалёку от ратушной площади. Покупать дом не стали, а сняли в долгосрочную аренду.

Уже дав бывшему рабу имя великого композитора, Олег вспомнил, что настоящий Моцарт умер от голода и болезней в полной нищете и был закопан вместе с другими венскими бездомными где-то на кладбище для собак в братской могиле. И места этого захоронения никто не знает. Вспомнив об этом, Олег дал себе зарок, что с его талантливыми людьми такого происходить никогда не будет. Ну а ещё раз переименовывать бывшего раба на более счастливое имя, Олег не стал.

Отличный слух позволил Моцарту с лёту запоминать мелодии вальсов «На сопках Маньчжурии», «Метель» и других, названий которых Олег часто не знал, но помнил и любил.

До романсов или серенад, рока или джаза, попсы или шансона, он считал, можно будет дойти и позже. А пока для местных балов и это будет настоящей бомбой. Атомной.

Естественно, как правильно танцевать вальс тут никто и не знал, но и обычное кружение на месте, с обхватом друг друга за талию, принятое здесь, вполне уложится в ритм на раз-два-три, раз-два-три.

– Генерал Чек прибыл. Просит принять, – доложил Лис.

Лейтенант ниндзя временно замещал своего капитана, пока Нирма отъехала на север, чтобы отвезти в Вил личные послания генералу Агрию и вилскому королевскому наместнику Фису и кое-какие подробности посланий регента объяснить устно – описывать всё на бумаге было бы долго и мучительно. Да и не очень доходчиво.

Нирма вызвалась сама выполнить это поручение. Как бы она не старалась выглядеть равнодушной, но приезд баронессы Ленер её расстроил.

– Лис, генерал Чек может входить без предварительного доклада, – упрекнул лейтенанта Олег, но вспомнил, что приказ беспрепятственно пропускать к нему королеву, командующего, премьер-министра Клейна и министра иностранных дел Гортензию он отдавал Нирме. Так что Лис тут, как говорится, не при делах. – Пусть заходит.

Чек выглядел довольным и возбуждённым – чувствовал скорое начало больших военных дел.

– Ты куда жену дел? – поинтересовался Олег. – Я бы хотел с ней накоротке посоветоваться перед торжественным приёмом... Вот ведь буквоед, – выразился он насчёт Лиса, заметив, что генерал вошёл безоружным, хотя по дворцовому этикету ему полагалось при парадной форме, в которую он сейчас был обряжен, иметь при себе и церемониальное оружие – для генералов им служил короткий меч.

Командующий чувствовал себя в кабинете регента, как дома, что, впрочем, не помешало ему выполнить все требования лейтенанта Лиса, исполнявшего обязанности секретаря и сначала дожидаться доклада, а затем и оставить свой меч в приёмной. Войдя, генерал сразу же направился к столику, за которым Олег обычно вёл беседы со своими соратниками, и опустился в одно из стоявших там рядом кресел.

– Не ругайся на лейтенанта, – вступился он за Лиса. – Парень всё правильно делает. Во всём должен быть порядок. Как в армии. Я имею в виду, как в нашей армии, а не как у этого старого (тут Чек употребил нецензурное слово) Плавия Второго.

Он дождался, пока улыбнувшаяся ему Мона, которая почему-то особенно приветливо относилась к командующему, нальёт вина в приличного размера бокал, и вспомнил, что регент вообще-то спрашивал его о местонахождении министра иностранных дел:

– Гортензия сейчас там же, где и королева – в апартаментах Ули, которая приводит себя в порядок с дороги. Оставить твою сестру в этот момент без нравоучительной беседы моя супруга не может. Ну и Клемении, наверное, тоже интересно Гору послушать, раз и она не даёт Уле спокойно принять ванну и переодеться. А Гортензия тебе зачем сейчас нужна? И так через склянку все в главной зале дворца встретимся.

– Да так, насчёт Клемении хотел с ней переговорить. В какой степени её нужно посвящать в наши планы, – Олег уже свои планы щедро начал считать общими. – И как это лучше сделать. Чек, без обид, – прервал он открывшего было рот командующего, – это не твой вопрос. У тебя и так впереди столько дел, что, боюсь, как бы ты у меня на пенсию не начал отпрашиваться.

Генерал чуть не пролил вино от слов Олега.

– Я?! Да ни в жизни! Ты, главное, меня долго не томи. А то я уже и так весь извёлся. Нет, ну правда, Олег, когда начнём?

– Совсем скоро, Чек. Завтра с утра отошли телеграмму в Псков, чтобы Торм начинал приводить полки в полную боевую готовность. Кто ещё не успел отгулять или догулять отпуска – значит, у них судьба такая. Не в этот раз. В общем, пусть всех отзывает в места постоянной дислокации. Как всё исполнит – немедленно нам телеграфирует. Мы к тому времени с тобой определимся с составом сил и средств, и кого куда выдвинуть.

На самом деле общий план предстоящей военной кампании по разгрому Тарка у Олега в голове уже сложился. Остались частности, но ими пусть его военачальники займутся.

Олег не мог нарадоваться созданному им семафорному телеграфу. Насколько быстро теперь можно было передавать сообщения и получать их.

Была у него мысль создать и шифроорганы при особых отделах, разработать систему кодов и шифров, но по зрелому размышлению он отложил эту идею в долгий ящик. Тут и азбуку Сфорца-Морзе ещё не скоро додумаются расшифровывать и перехватывать сообщения. Так что, не обжегшись на молоке, дуть на воду – это уже лишнее.

– Отлично! – обрадовался Чек. – Надерём задницу Плавия и... дальше, как я понимаю, у нас на очереди Виделий? Папа нашей королевы?

– Вот видишь, всё ты понимаешь, – Олег присоединился к Чеку, дав знак Моне налить вина в бокал. – Теперь надо будет убедить Клемению, что это и в её интересах, и в интересах её будущего ребёнка. Или не убеждать. Да. Сюрпризом для неё будет.

Возникали ли у Олега какие-либо сомнения, когда он собирался брать к себе в союзники Клемению, планируя войну против её отца? Конечно возникали. И примеры земной средневе-

ковой жизни, отражённые в той же шекспировской трагедии «Король Лир», его нисколько не делали уверенным в её безоговорочной поддержке.

Но всё же, достаточно изучив ставшую ему подругой королеву, узнав от Прилы, жены Лешика, о сложных отношениях в королевской семье Глатора, он рассчитывал найти к ней правильный подход. Разумеется, с помощью Гортензии и Ули.

И главное, что, как Олег считал, станет определяющим фактором принятия ею его предложений, так это то, что Клемения не просто дочь Виделия, она королева и мать будущего короля Винора. Дочь может и любить отца, а вот отношения монарших особ определяются совершенно другими понятиями.

– Надеюсь, Олег, что она всё поймёт правильно. Клемения – мудрая женщина, хоть и молодая. Да и нет на самом деле у нас другого пути, кроме того, что ты предложил, – общение с женой, похоже, сделало из вояки государственного деятеля. – Или нас подомнёт под себя одна из империй, или мы станем полем битвы между ними. Или сами станем империей, – Чек допил вино и одобрительно кивнул. Но увидев, как Мона собралась ему наполнить бокал по новой, накрыл его рукой. – Мы много с женой на эту тему говорили в последние дни. И, знаешь... – он помолчал, о чём-то задумавшись, – Олег, я бы хотел кое о чём тебя попросить. На правах старой дружбы.

На регента его командующий не смотрел, уставившись на свою ладонь, лежащую поверх пустого бокала.

– Ты сейчас таким тоном говоришь, Чек, что я уже начинаю беспокоиться, – Олег шуткой постарался сбить мрачноватый настрой друга. – Надеюсь, ты не денег попросить у меня хочешь? У меня нет. Сам бы у кого-нибудь с удовольствием занял.

– Нет, Олег, не денег. Шутки твои уж больно хороши. Я и Гора, мы хотели бы, чтобы твои слова насчёт короны Тарка для нас оказались бы тоже шуткой. Понимаешь?

Такого Олег от своих друзей не ожидал. Он с изумлением, смешанным с досадой, смотрел на того, кто стал его первым соратником и другом в этом чужом поначалу мире. К тому же говорил он сейчас не только от своего имени, но и от имени Гортензии.

– Молодцы, – с сарказмом произнёс Олег. – Значит, как меня каждый раз под паровоз толкать, так вы всегда впереди планеты всей, а как самим взять на себя не груз исполнителей, а бремя власти, так сразу в сторону? Понимаю. Помогать что-то делать – это не самим делать.

– Олег... – попытался что-то сказать Чек, но был перебит.

– Я уже больше двадцати семи лет Олег. Двадцать один год там и шесть с лишним лет здесь. Ну что смотришь, Чек? Глупости говорю? Ну да. А ты умный. Знаешь, когда вовремя в сторону уйти. А не знаешь, так тебе жена подскажет. Она ведь у тебя мудрая.

Задачи смутить старого друга Олег себе не ставил, но это у него получилось.

– Подожди. Не кипятись. Я же не сказал, что мы отказываемся. Я лишь попросил тебя ещё раз над этим подумать. Может...

– Не может, Чек. Не может. Мне и так придётся полагаться на огромное количество людей, которым я не могу в полной мере доверять. Если ещё и вы, мои соратники, начнёте хвостом вилять, то мне будет проще прямо сегодня, с этого торжественного приёма, уйти. А что? Заберу с собой Улю, и уедем в Немею. Там уже корабль, поди, готов, а не готов, так быстро доделают. Сядем на корабль и отправимся в круиз. Мир посмотрим, себя покажем.

Чек, кажется, впал в ступор. Он впервые видел своего молодого начальника и друга в таком искреннем раздражении. Да Олег и сам от себя не ожидал такой злости. Видимо, огромный объём намеченных им планов был для него действительно тяжёлым грузом.

Ситуацию разрядила Мона. Молоденькая женщина расплакалась и упала перед регентом и господином на колени. По привычке ничего не говорить она ничего и не говорила. Только плакала и смотрела так красноречиво, что была понятна, словно произнесла длинную речь с трибуны.

– Олег, говорю же, ты не так меня понял. Прости. Сам же знаешь, какой я косноязычный, – повинился Чек.

Вид плачущей Моны Олега пристыдил. Он, взяв её за плечи, заставил девушку подняться.

– Я и забыл, что ты тут уши греешь. Большие дяди говорят о делах, которых ты совсем не понимаешь. Если я с сестрой и уеду, – тут он выразительно посмотрел на своего командующего, – то и тебя с мужем с собой возьмём. Но наш отъезд вряд ли состоится. Господин Чек, как ты слышала, совсем не то имел в виду, что сказал.

– Давай забудем, что я тут ляпнул? – предложил генерал.

Олег ещё немного поиграл у него на нервах и ответил утвердительно.

Спокойно дожидаться готовности их дам к торжественному приёму, чтобы с ними вместе пойти в главный дворцовый зал, где уже наверняка собрались все приглашённые на это мероприятие благородные и уважаемые жители Фестала, придворные приживалы и иноземные послы, у них не получилось.

– Баронесса Ленер просит принять, – доложил Лис.

– Вот уж кому ты искренне-то рад, – не сдержал насмешки немного успокоившийся Чек.

– Пригласи, – не реагируя на подколку друга, Олег дал команду лейтенанту.

В данном случае ирония Чека была неуместна. Олег и в самом деле радовался приезду в столицу своей подруги-любовницы Веды. К собственному удивлению, он заметил за собой, что скучал всё это время не только по её ласкам, но и по её весёлой наглости. Кто-то из друзей его отца однажды по поводу своего сына грустно пошутил, что хороших мальчиков тянет к плохим девочкам. Наверное, с Олегом в его отношении к Веде было нечто подобное. А ведь, казалось бы, он уже давно не мальчик, хоть, на его собственный взгляд, и хороший, а эта его бывшая рабыня уже давно не девочка. Но вот так уж сложилось у них.

Гури, один из лучших его помощников, уже давно, с самого начала, смирился с шашнями своей жены с Олегом, находя себе утешение в работе и среди умелых и покорных служанок. Олег же, чтобы не чувствовать себя последним негодяем, старался об этой двусмысленной ситуации просто не думать. А когда не получалось, то находил себе оправдания в пословице, смысл которой сводился к тому, что если собака-самка не захочет дружить с собакой-самцом, то и тот будет к ней равнодушен.

Радостно впорхнув в кабинет и обнаружив, что Олег в нём не один, Веда с недовольством посмотрела на Чека. Но очень быстро, почти моментально, сообразила, что бросать такие взгляды на командующего, одного из самых близких соратников Олега, с её стороны непросительная наглость, и тут же Чеку подарила улыбку. Лицемерка.

– Садись, Веда, – Олег показал рукой на кресло рядом с собой.

– Нам не удалось толком пообщаться на вокзале, – она подошла к столику, поочередно поцеловала в щёки сначала Чека, затем Олега и села в предложенное ей кресло. – Вот я и поторопилась пораньше привести себя в порядок. И как видите, у меня это получилось.

Глава 4

Начаться вовремя торжественный приём не мог по понятным Олегу причинам – Уля привезла с собой из Сфорца новинки косметической и парфюмерной промышленности герцогства, не использовать которые именно сегодня и именно здесь не только Клемения, но и Гортензия не могли никак.

А ведь ещё были новинки сфорцевских мод, разработку и пошив которых по совместительству с обязанностями директора школы контролировала лично Кара, племянница Гортензии.

Идеи Кара теперь всё больше реализовывала свои, хотя не забывала при этом просить в письмах подсказок у Олега.

В принципе, чем Олег мог помочь в вопросах высокой моды, он уже помог. Вбрасывать в этот мир идею женских обтягивающих джинсов с заниженной до середины попы талией и рваными в районе коленок, он посчитал слишком преждевременным. Может быть, когда-нибудь попозже.

Но и тех решений от кутюр, которые Олег уже предоставил псковским модельерам и мастерам пошива, хватит на ближайший век точно.

– Извини, что задержались. – Уля опять, пользуясь удобным случаем, прижалась к брату, прямо не герцогиня, а котёнок какой-то. – Но мы очень торопились. Правда-правда.

– Какие вы красивые! – искренне сказал Олег.

И на самом деле Олег ничуть не лукавил – и Уля, и Гортензия, и Клемения выглядели потрясающе. И даже избитая шутка из его родного мира, гласящая: «Ничто не красит женщину так, как перекись водорода», сейчас была ни при чём. Тому, чему Олег не мог научить в принципе – правильно и умело пользоваться достижениями парфюмерии и косметологии, – женщины научились самостоятельно, довольно быстро и успешно.

Насчёт внешнего вида Веды, отделившейся от женской компании раньше ради возможности встретиться с ним, Олег свои мысли придержал – с её прибытием он, как заговоренный, уже с томлением ждал предстоящей ночи. Ведьма она, что ли?

– Вот за что ты мне нравишься особо, Олег, так это за то, что ты всегда говоришь правду, – засмеялась довольная его искренним комплиментом Клемения. – Ещё бы увидеть твой сюрприз, о котором ты всё время намекал, и сегодняшний день станет самым весёлым в моей жизни.

– Услышать, Клео, а не увидеть. Сюрприз у меня звуковой, – улыбнулся регент.

– Олег у нас не может жить без чего-нибудь эдакого удивительного, – заявила Гортензия и бесстрастно посмотрела на державшуюся в тени Олега Веду: – Твой муж уже в отъезде, дорогая баронесса. Такая жалость. Не успел приехать и умчался по делам. Я приглашаю тебя составить мне с мужем компанию за столом.

Гортензия, как обычно, даже в узком кругу среди своих предпочитала выполнять формальности этикета.

Понятно, что Веда и так бы пристроилась в кругу Олеговых соратников и королевы, но всё равно приглашение от Гортензии не было лишним, и Олег посмотрел на неё с признательностью.

– Благодарю, – церемонно поклонилась Веда.

– Так, ладно, – поторопил Олег. – Я вами и в зале могу любоваться и восхищаться. К тому же делать нам это вдвоём с Чеком несправедливо по отношению к другим. Пошли. Лис! – позвал он своего временного секретаря. – Предупреди главного дворцового распорядителя, что мы уже идём.

Огромный зал приёмов королевского дворца был полон людьми. Половину его пространства занимал П-образный стол. До прихода регента и королевы, естественно, за столом никто не сидел. Приглашённые на приём располагались в другой половине зала, разбившись на группы по интересам, ведя беседы и ожидая прибытия правителей королевства с гостями из Сфорца, удостоенными высокой милости чествоваться в королевском дворце.

Последними из приглашённых были представлены иноземные послы. И это Олег считал правильным – у винорцев собственная гордость. Так что сначала регенту и королеве оглашались имена и титулы своих вассалов и подданных – причём представляли и тех, кого регент с королевой и так знали, а порой и видели по десятку раз на дню – и лишь потом, в последнюю очередь, чужих.

Представляемые после предписанных этикетом поклонов и расшаркиваний рассаживались за столом. А поскольку представление начиналось с самых именитых приглашённых, то и стол заполнялся с его главной части.

Право первому произнести речь по традиции было предоставлено официальному министру двора старенькому графу ри Чисвену. Тот, тоже по традиции, хоть и недавней, говорил неслышно, неразборчиво и путано, что не мешало всем присутствующим восхищённо приветствовать окончание его выступления и осушить до дна большие бокалы вина.

Всё то время, пока в адрес регента, королевы и сфорцевских гостей звучали поздравления, Олег был занят разговором с сидящими рядом с ним Клеменией и Улей.

– Ну, и когда будет обещанный тобою сюрприз? – поинтересовалась Клемения.

Вопрос королевы прозвучал, когда рабыни уже принялись разносить горячие блюда.

– Когда, спрашиваешь, будет сюрприз? – Олег отвлёкся от рассказа сестры о проблемах в Рудном, где находилось до трети его литейных производств, и осмотрел зал. – Да, пожалуй, пора.

Волновался ли он за успех своего начинания? Как бы ни смешно это показалось кому-то, но да, он волновался. Наверное, так чувствовали себя в его родном мире молодые режиссёры на премьерах своих постановок спектаклей или концертов.

Казалось бы, что за дело попаданцу до успеха или провала задуманного им мероприятия? А вот, поди же ты, очень ему не хотелось потерпеть фиаско. Наверное, так у них, людей искусства, а Олег себя теперь относил и к ним, заложено в характере.

Понятно, что закулисные интриги и уничтожение своих конкурентов на этом поприще, он не планировал. Не хотел стать первым Сальери в этом мире. Но против потенциальных критиканов он действительно готов был использовать весь свой огромный административный ресурс.

Предварительное прослушивание подготовленных музыкальных и песенных композиций уже прошло в снимаемом для музыкантов доме за два дня до нынешнего торжества. Олег смог выкроить в своём плотном графике три склянки времени и лично присутствовал на этом прогоне.

Ему понравилось. Нет, на самом деле всё оказалось даже лучше его ожиданий. Всё-таки людей талантливых здесь можно найти практически во всех делах. Теперь дело оставалось за малым – чтобы Моцарт и его команда от волнения не ступевались.

Олег дал знак одному из ниндзя, стоявших возле левого входа в зал, через который заходили и выходили выступавшие сегодня на торжествах акробаты, жонглёры, фокусники и певцы. Тот всё понял правильно, и вот в зал вошёл вокально-инструментальный ансамбль имени попаданца Олега под руководством пока ещё не заслуженного деятеля искусств Моцарта.

– Это то, о чём я думаю? – спросила Клемения, заметив взгляд Олега, направленный на музыкантов. – Интересно. Послушаем. Уля, – обратилась она через регента к его сестре, – скажи честно, ты это уже слышала?

Пока ансамбль рассаживался на стулья в углу зала, герцогиня ре Сфорц призналась королеве, что какие-то новые песни она уже слышала и ей понравилось. И вон того бывшего раба, который сейчас руководит музыкантами, показывая, кому где садиться, она знает. Но таких удивительных гитар ещё не видела.

Когда зазвучали первые аккорды гитар ансамбля, шум в зале стих. Удивительное звучание, ещё даже без исполнения мелодии, привлекло всеобщее внимание.

Сомнения Олега, связанные с разностью музыкальных вкусов у представителей разных народов – к примеру, индийцы не воспринимали музыку Чайковского, предпочитая свои «джими, джими, ачо, ачо», а русские – горловое пение тувинцев – были развеяны, ещё когда он обучал будущего Моцарта легкомысленным песенкам из фильма «Собака на сене».

Даже при том, что их музыкальное сопровождение шло на убогих местных пятиструнках без акустического звука, всё равно они вызвали настоящий восторг всего Пскова. Да и самим членам ансамбля Моцарта музыка Олега – в этом мире попаданец-плагиатор выступил в роли композитора и автора текстов – понравилась до крайностей их эстетических творческих чувств.

Ну да. Тот же Чайковский, хоть не воспринимается индийцами, зато у японцев давно стал национальным композитором. Настоящее искусство может пробивать себе дорогу везде.

– Клео, – Олегу надоел разговор, который подруги вели за его спиной – стерео какое-то получалось на оба его уха, – ты сейчас самое интересное прослушаешь.

Моцарт начал с исполнения песен, уже знакомых сфорцевским гостям. Зато остальные слышали это впервые. И Олег со всё большим удовольствием и отпустившим его волнением наблюдал реакцию присутствующих.

У него на самом деле всё получилось. Это подтвердилось бурными овациями, которыми сопровождалось исполнение каждого номера. А когда заиграл вальс «На сопках Маньчжурии», регент пригласил раскрасневшуюся от чувств королеву на танец.

Задачи научить здесь всех ещё и правильно танцевать вальс, Олег перед собой не ставил – к собственному огорчению, он и сам не умел. Сейчас бы сюда Лерку, его одноклассницу, с которой они общались в одной компании в школьные годы, тогда бы можно было и настоящую революцию в танцевальном искусстве произвести.

Валерия много лет профессионально занималась бальными танцами. Олег знал, что на эти её занятия Леркины родители, обычные школьные учителя, выкинули кучу денег – на танцевальные платья, туфли, специальную косметику, на какие-то перья, за которыми даже специально ездили в другой город, на оплату проезда и проживания для участия в различных конкурсах, на услуги тренера и на различные представительские взносы. И что в итоге? В итоге Валерия вышла замуж за лейтенанта и уехала с ним в Мурманск. Говорят, уже двоих родила. Это к моменту оставления Олегом родного мира. Вот Валерия бы здесь и сейчас точно не помешала. Но её здесь нет, а потому пусть жители мира Талареи сами пройдут свой путь до полонезов и вальсов, до самбы и румбы, до твиста и рок-н-ролла. Кстати, полонез Огинского был в репертуаре у Олеговых музыкантов, так же как и танго из фильма «В джазе только девушки», под которое так забавно танцевали миллионер-любовник с Дафной.

– Ты знаешь, у меня опять нет слов. – Клемении даже её живот не мешал танцевать медленный танец. – Ты такой... такой...

– Как нет слов? – усмехнулся Олег, кое-что вспомнив. – Надо было подготовиться.

Эти торжества запомнятся его участникам надолго. Олег был в этом уверен. Даже то, что многие из приглашённых были основательно навеселе, играло скорее в плюс, чем в минус зарождающейся на глазах мировой славе Моцарта.

Иноземные посланники и титулованные благородные из их свит не могли скрыть зависти, когда благодарили регента и королеву Винора за столь чудесный и восхитительный приём.

Была, правда, и пара ложек дёгтя на этом празднике жизни, но никому это особо настроения не испортило. Даже не все заметили состоявшуюся в королевском парке дуэль. А уж на короткую беседу посланника Оросской империи с правителями Винора и их советниками вообще никто не обратил внимания.

Дуэль состоялась по причине перепившегося молодого глаторского дворянина, находившегося в Виноре в должности секретаря посланца короля Виделия.

– В роду ри Фленетов алкаши были, но дураков вроде бы до этого не было, – просветила Клемения регента, когда они с частью королевской свиты, очень незначительной – мало кто хотел отвлекаться даже на дуэльное зрелище и пропускать исполнение очередной музыкальной или песенной композиции – спустились со второго этажа центральной части королевского дворца в парк. – Этот наглёныш в роду Фленетов первый такой глупый. И, похоже, последний.

Женщины этого средневекового мира отличались не просто равнодушием к кровопролитию, а интересом к такого рода жестоким развлечениям.

Поэтому для Олега не было ничего удивительного ни в спокойствии Клемении перед предстоящим убийством, по взаимному уговору сторон дуэль должна была вестись до смерти одного из дуэлянтов, ни в том, что большинство зрителей, вышедших посмотреть, как два человека станут рубить и колоть друг друга мечами, были женщинами.

Не зная Фленетов и истории их рода, с выводами королевы насчёт глупости молодого виконта и его ближайшей печальной участи Олег был полностью солидарен.

Основательно набравшийся халявного кальявдоса виконт вдруг вспомнил о своём давнем желании поухаживать за баронессой Прилой Ерон, ставшей в замужестве ещё и баронессой Гирвест. Недолго думая, этот молодой наглёныш – как его правильно назвала Клемения – принялся приставать к жене Лешика. А когда Прила не выдержала и вытащила мужа, который в это время усиленно спаивал аргонского посла, из-за стола, чтобы станцевать с ним танец и заодно наябедничать ему на приставалу, то виконт решил громко и вслух высказать наболевшее.

В принципе, сказал-то он правду – Прила действительно была раньше бедной провинциальной приживалой при Глаторском дворе, и она на самом деле была рада любому знаку внимания со стороны кого-то хоть немного знатного или богатого. А что ещё оставалось делать и как себя вести молодой девушке-сироте, владевшей практически разорённым баронством в глухом уголке королевства и живущей на подачки младшей принцессы? И она наверняка с тоской и надеждой смотрела на одного из богатейших женихов королевства – виконта и наследника графства ри Фленета.

Но не всякую правду надо говорить, а уж тем более ставить в вину Приле то, что после замужества она стала вести себя по-другому. Да ещё и использовать в отношении неё крайне неприятные эпитеты.

Барон Лешик Гирвест имел своеобразный жизненный опыт. Значительная часть его жизни прошла в крайне сомнительных компаниях, с которыми он и сейчас, исполняя волю своего шефа, продолжал поддерживать контакты. Так что начало традиционной аристократической ссоры мало на такую походило – Лешик коротким ударом по лицу сломал виконту нос. Причём сделал это выверено, несмотря на охватившую его злость, иначе он мог бы и легко убить ри Фленета, барон это отлично умел делать голыми руками.

Последовавший следом вызов на дуэль был уже неизбежен, и даже проморгавший «успехи» своего подчинённого посол южного королевства ничего был не в силах изменить. Лешик всё рассчитал точно.

– Я не хочу, чтобы он его сразу убил, – сказала Прила, которая, естественно, не могла не присутствовать на таком событии, Клемении, своей подруге. – Он меня ещё в Глаторе достал.

Судя по взгляду и лёгкому намёку на улыбку, проскользнувшему в уголках губ королевы, при глаторском дворе, скорее, баронесса доставала виконта. Но напоминать об этом Приле Клемения не стала.

– Ты так уверена в своём муже? – лишь уточнила она. – Ри Фленеты всегда были хорошими фехтовальщиками. А у этого, – она кивнула на почти протрезвевшего виконта, разминавшегося возле беседки в окружении четвёрки своих земляков, – вообще слава лучшего мечника Глатора.

Прила только усмехнулась и отвечать не стала. Она была абсолютно уверена в своём муже. Как, собственно говоря, была в Лешике уверена и сама королева, которая и вопрос-то задала, чтобы немного уязвить подругу – уж очень, по её мнению, та в последнее время стала драть носик кверху.

Олег давно уже перестал обращать внимание на местные рейтинги мастерства. Лучший мечник тренажёрных залов и подставных дуэлей до первой крови с заведомо слабыми или поддающимися противниками – это одно, а реальный опыт многочисленных схваток бывалого бретера – это совсем-совсем другое.

Поэтому ожидать того же, что в родном мире Олег часто видел в фильмах про единоборства, он не собирался. Это несчастного Рокки плохой русский Иван Драго мутузил почём зря весь фильм и лишь в самом конце кино воодушевлённый музыкой американского гимна и любящими глазами своей девушки простой американский парень, уже превращённый в отбивную, находил в себе остатки сил и побеждал.

В этом фэнтезийном мире не стоило и надеяться на нечто подобное. Лешик всю короткую схватку уверенно наносил удары в самые болезненно-чувствительные точки, причиняя виконту жуткую боль, а когда глаторец готов был уже сдаться, точным ударом остриём меча в горло оборвал его жизнь.

– Да! – Прила радостно захлопала в ладоши и бросилась обнимать мужа.

И никого такое её поведение не удивило. Остальные зрители в большинстве своём тоже испытывали удовлетворение – свой побил чужого. Недовольными, понятно, остались только земляки убитого, но высказывать ничего не стали. Всё было по правилам.

– Посланник Оросской империи хочет вас поблагодарить и откланяться, – сообщила Гортензия Олегу и Клемении, когда они вернулись в зал.

– Это вон тот большой человек, если я не ошибаюсь? – усмехнулся Олег, глядя на разодетого в шерстяной костюм мужчину. Это летом-то! – Он, бедняга, поди, совсем упрел. Давай его сюда поскорее, Гора, а то, боюсь, у нас тут ещё один труп сейчас будет. От теплового удара.

– Оросец не тот, кто не мёрзнет, а тот, кто тепло одевается, – Гортензия сформулировала местный вариант одной земной поговорки. – Ты за него не переживай. Но позвать – позову.

Прощание с посланцем северной империи вышло гораздо более долгим, чем Олег ожидал. Говорил этот большой и широкий мужчина так витиевато, что Олег потерялся примерно на середине его излияний и дальше уже больше рассматривал его мясистый нос и толстые, как сардельки, пальцы.

– Гортензия, объясни мне попроще, что он тут нам плёл? – попросил он, когда посланник со своей свитой покинул зал торжеств.

– Он угрожал нам, Олег, – вместо Гортензии ответила Клемения, с удивлением посмотрев на регента.

Ну да. Знал Олег за собой такую слабость – к птичьему малопонятному языку местной дипломатии он пока ещё не был приучен. Да и когда бы ему набраться такого опыта и знаний? Слава Семи, что у него есть кому дипломатией заниматься. И теперь это не только одна Гортензия.

Ещё будучи имперским графом ри Шотел, Олег не пожалел денег на подготовку своего будущего дипломатического корпуса. Гортензия, правда, финансовыми требованиями не злоупотребляла и была его единственным соратником, кто ни разу не пожаловался на жадность Армина, но всё необходимое ей получала в любое время.

Именно Гортензия предложила привлекать ненаследных сыновей и дочерей Олеговых вассалов не только для военной или экономической деятельности, но и для дипломатической работы. Олег это предложение посчитал разумным. И теперь мог пожинать плоды своей предусмотрительности.

– Если ты продолжишь экспансию, – нынешняя графиня ри Брэг и будущая королева Тарка, как бы она этого ни хотела избежать, пояснила мысль Клемении, – начнёшь причинять беспокойство союзникам Оросской империи – Глатору, Тарку, Руанску и Линерии, то тебя ждут крупные неприятности.

– Да-а? Ничего себе заявка. – Олег пожалел, что не понял этих угроз, пока посланник был перед ним. У регента Винора нашлось бы что сказать в ответ. – Судоходство по Ирменю, синезийские наёмники, путешествующие на юг – это всё про нас?

– Про нас, Олег, – засмеялась Гортензия. – Оросс грозит перекрыть для наших торговцев и товаров Ирмень, а оросцы контролируют половину реки, от верховьев до нашего Орежа, и оплатить Виделию, твоему отцу, Клемения, и Плавию Второму наёмные полки синезийцев, которые если кому и уступают выучкой, то только наёмному легиону Болза, но гораздо более многочисленны.

– Ну мы болзовских легионеров знаем, бивали как-то, я помню. А насчёт перекрыть нашим товарам торговые пути, – Олег огорчённо покачал головой, – такое допустить никак нельзя. Клео, – повернулся он к королеве, – вот, пожалуй, и настала нам пора поговорить повзрослому.

Глава 5

А ведь он действительно сильно скучал по этой хитрой бестии. Олег в этом был уверен, разглядывая лежавшую к нему спиной и прижавшуюся попой к его животу обнажённую Веду.

Ему очень хотелось погладить и помять её тело, но не хотелось будить – они и закончили кувыряться-то буквально три-четыре склянки назад. Правда, причиной столь позднего их засыпания была не только длительная неугомонная страсть, но и то, что до постели Олег добрался уже за полночь – беседа в узком кругу о будущем Винора с Клеменией затянулась надолго.

Кроме самих регента и королевы, в беседе принимали участие Уля и Гортензия с Чеком. Последний, правда, за всё время беседы сказал только четыре слова: «Я ещё себе налью».

Клемения была, несмотря на свою молодость, весьма мудрой женщиной. Она сама раньше не раз поднимала вопрос о том, что им надо скорее определяться, с кем из двух основных игроков – Оросской или Хадонской империями – заключать союз, иначе их раздавят обе.

За союз с Оросской империей было три основных аргумента. Первый – она находится далеко, а значит, винорские правители будут более самостоятельны в своих действиях – находясь за тысячи лиг, сложно контролировать каждого неформального вассала. Второй – Хадонская империя, хоть и начинала разгоняться в своей растущей мощи после восшествия на престол божественной Агнии, всё ещё зализывала раны многолетних смут и гражданской войны, в ходе которых она потеряла почти четверть своих территорий, едва не приведших к полному распаду империи. Ну и третьим аргументом в пользу такого выбора было то, что половина соседей Винора, включая родной для Клемении Глатор, уже перешли на сторону Оросской империи.

За союз с Хадонской империей основным, пожалуй, аргументом была традиция. Винор и империя много веков оказывали друг другу поддержку, и эта поддержка приносила им обоюдную выгоду.

Олег, конечно, знал изречение одного английского политика, что у Британии нет вечных друзей, а только вечные интересы, но понимал и то, что союзы таких крупных государств, как Хадон и Винор, на столь долгие времена просто так, из одной только доброй воли, взаимных симпатий правителей или хороших отношений между людьми не возникают. Такое длительное сотрудничество говорит о естественных геополитических взаимных интересах и выгоде.

Ну и, конечно же, немаловажным мотивом для союза с божественной Агнией было то, что Хадонская империя также имела в своих полувассалах соседние с Винором восточное и южные королевства.

Вот только любой выбор неизбежно грозил Винору стать полем битвы двух гигантов. И ещё, что прекрасно понимали и Олег, и Клемения, Винор в его нынешнем виде – большое королевство, раскинувшееся на оба берега Ирменя, главной водной артерии континента – не устраивал ни Оросс, ни Хадон.

Поэтому Клемения, хоть и была шокирована предложением Олега создать свой центр силы, такой, который сам мог бы диктовать свои условия игры, не стала отвергать эту идею, а внимательно выслушала.

Первые попытки возражать у неё возникли, когда речь зашла о судьбе Глатора и, следовательно, о судьбе отца и старшего брата – наследника глаторской короны.

Доверие, которое в глазах Клемении завоевали Олег и его сестра, позволило убедить её в неизбежности и правильности действий, предлагаемых будущим императором.

Олег на самом деле не собирался строить моноимперию – силы у него на её создание были, но на то, чтобы удерживать и развивать такие большие территории, у него не было людских ресурсов – он не Чингисхан с Ордой за спиной и не Карл Великий с вождями большого

количества германских и галльских племён, последовавшими за ним и позволившими создать целую цивилизацию, называвшуюся романо-германской. Да и то эти империи оказались крайне неустойчивыми и распались практически сразу после смерти их основателей.

Попаданец из другого мира, знающий историю, пусть даже поверхностно, большей частью из художественных книг, ещё больше склонялся к тому, чтобы создать своё государство по подобию Священной Римской империи германской нации. Только внеся очень существенные поправки в государственное устройство, чтобы избежать того бардака и разногласия, которые сопровождали ту империю весь период её существования.

Клемении он твёрдо пообещал сохранить жизнь её отцу и брату вне зависимости от их ответа на его предложения. И пообещал оставить за её семьёй глаторский престол, если те примут его правила игры.

Говорить Клемении, что от завоёванных королевств он собрался отрывать самые крупные и богатые провинции, подчиняя их владетелей непосредственно себе, делая их имперскими вассалами, он пока не стал говорить. Также как не сказал и о своём намерении после Тарка и Глатора проглотить Саарон.

Умолчал не потому, что испытывал какие-то сомнения в отношении Клемении – как раз в отношении её на среднесрочную перспективу он был уверен на все сто – а просто уже исходя из появившейся у него в этом мире привычки многое держать до поры до времени при себе.

Кто там, Людовик Одиннадцатый, кажется, говорил, что если заподозрит, что его ночной колпак прознал его мысли, то он его спалит в камине? Неважно. Но Олег – как-то само собой так получилось – тоже начинал постепенно склоняться к таким мыслям.

Может трон или престол – это проклятое место, не успев занять которое даже недоучившийся студент из российской провинции заражается маниакальным недоверием ко всему вокруг? Впрочем, Олег понял, что уже начинает на себя наговаривать. Не так уж всё и запущено.

Главный итог затянувшегося совещания был в том, что в лице королевы Винора он получил верного соратника в осуществлении своих планов.

Веда, пока ждала Олега, вся извелась. Но потратила это время с пользой – своим наметанным взглядом заметила множество упущений дворцовых служб, и сегодня кого-то ждала хорошая выволочка, а кого-то и правёж. Клемения, давно зная от Ули о способностях её псковской подруги к наведению идеального порядка, дала Веде полный карт-бланш на ревизию дворцового хозяйства.

Отвлёкшись от своих размышлений, Олег заметил, что его подруга уже не спит, а приотворяется и нарочно начинает, словно бы невзначай, елозить попкой возле низа его живота.

– Ах, так мы не спим? – Он пощекотал её под рёбрами.

Олега всегда восторгало умение Веды в постели продвигать свои интересы, даже если её рот был занят. Но восторг этот не помешал ему укоротить её графские амбиции. Нет, понятно, что Гури, как и Армин, его министр финансов, как и его генералы, с его точки зрения, заслуживали графских титулов, а Чек с Тормом и их супруги графские титулы уже получили, но, во-первых, сейчас не до этого, а во-вторых, он не хотел выделять Гури и Веду Ленеров среди других, не менее достойных соратников.

– Ну, Оле-эг, – расстроилась Веда. – Вот как ты себе представляешь моё положение при королевском дворе? Кто я? Обычная баронесса, как тут десятки других, и любая фестальская придворная графиня будет смотреть на меня свысока. Я уж не говорю о герцогинях ре Сар и ре Ореж, этих двух высокомерных особах. А Гури...

– Гури и так хорошо справляется, – перебил свою давнюю подругу и любовницу Олег. – И ты мне лапшу на уши не вешай. Посмотри, как себя баронесса Гирвест, владетельная баронесса Ерон, поставила – никто даже пикнуть против неё не смеет. А уж в твоих-то способностях двигать локтями я тем более не сомневаюсь.

Веда взметнулась и уселась верхом на живот регента.

– Так Прила – лучшая подруга королевы! – воскликнула она, положив ладони Олегу на грудь.

– И что дальше? – усмехнулся он. – А ты моя подруга. И Улина. Так, Веда, прекрати, иначе мы с тобой поссоримся. Остаёшься баронессой. Я сказал.

На её театральное расстроенное лицо он обращать внимания не стал. Но в утешение всё же пообещал, что ждать графского титула ей недолго осталось, как и многим другим его соратникам, друзьям и подругам.

Правильно ли с раздачей владений и титулов Олег поступал не только в отношении Веды, но и других? Он уже не раз думал об этом и пришёл к выводу, что правильно. Они ему помогают – он помогает им. «Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку, ну как не порадеть родному человечку?» – это ведь не он придумал, а Грибоедов, великий драматург и хороший дипломат. Это ведь взамен его убийства в Тегеране персидский шах послал русскому царю самый крупный алмаз из своей коллекции?

Долго нежиться и развлекаться в постели им не дали. Правда, в этот раз его будильником выступил не Клейн, а Уля.

– А я уже есть хочу, – заявила она, насмешливо глядя на изображавшую смущение Веду. Вообще-то, все знали, что баронесса свою связь с регентом не скрывает, а наоборот, выставляет напоказ и любит этим пользоваться. – Там ещё Бор топтался перед дверью в приёмной. Я ему предложила со мной зайти, но он стесняется.

– А чего стесняться-то? Тут все свои. Мона, – обратился он к служанке, – сходи в приёмную, позови генерала полиции.

Понятно, что Олег и Веда сейчас не разгуливали голышом. Когда лейтенант Лис доложил о прибытии герцогини ре Сфорц, Олег дал себе и Веде четверть склянки времени на то, чтобы привести себя в порядок и встречал сестру уже в малой гостиной.

Когда генерал – главный комендант – доложил о своей готовности убыть из Фестала, чтобы приступить к выполнению задач, поставленных ему регентом, то Олег внёс некоторые корректуры в его планы.

– Бор, смотри, я тебе сейчас говорю не как регент Винора, а как возможный будущий правитель возможной будущей великой империи, – начал говорить Олег.

– Ого, братик, а ты что, сомневаешься? Я не сомневаюсь, что всё у нас получится, – влезла в разговор Уля, не забывая при этом усиленно запихивать в себя вкусные булочки и пирожки, приготовленные привезённым ею с собой из Пскова поваром – местным она не доверяла, и правильно, кстати говоря, делала. Олег с Ведой и Бором тоже налегали на стряпню её раба. – Быть тебе, Олег, императором.

– Помолчи, Уля, и сначала прожуй, потом говори, – пристрожил её Олег и продолжил давать указания своему главному полицейскому: – Я не собираюсь обустроивать правоохранительную систему в королевствах, которые войдут в империю – пусть этим занимаются сами монархи, а я лишь организую контроль за ними, что, впрочем, не твоя забота. Меня интересуют только те провинции, которые станут подчиняться напрямую императорскому престолу. Поэтому ты правильно рассудил, что начинать надо с восточной Сарской провинции и оттуда перемещаться уже на запад. Но я тебя немного перенаправлю. На самом деле ты сейчас отправляйся на север, в Вил. Там Агрый и наместник Фис. На Фиса стойку не делай, как почувствуешь, что это прохвост и мутный тип. Это мой прохвост и мутный тип. И барона Гирвеста. Понял? – Олег заметил ироничный взгляд сестры и осознал, что незаметно сам перенял её манеру жевать и говорить одновременно. Впрочем, себе он такое прегрешение тут же легко простил. – Они тебе подберут качественных исполнителей для комендантской службы в Сарской провинции. Из тех, у кого рыльце в пушку после недавнего бунта, и кто рад будет убраться из Вила подальше вместе со своими семьями. В Сарской провинции набери людей, которые

войдут в штат комендатур Нимеи. А там – Сольта. А в Сольте – Вила. Уяснил принцип? И на будущее... У Клейна возьмёшь список всех провинций из королевств, которые станут имперскими протекторатами. Будешь действовать таким же образом.

Бор и Уля с восхищением посмотрели на Олега, придумавшего такую хитрую схему. Сам же регент несколько не сомневался, что такая схема временная. Всё равно со временем люди обживутся, обзаведутся связями и изыщут возможность при необходимости водить центр за нос.

Но это будет намного позже, и Олег рассчитывал, что за этот период отработает и реализует систему контроля.

Веда на Олега с восхищением не смотрела, потому что к беседе почти не прислушивалась, а наверняка придумывала свою схему. В другой области.

– Спасибо, Олег. Чудесный завтрак, – поблагодарил регента Бор. – Я, пожалуй, отправлюсь прямо сейчас?

– С бала на корабль? Попробуй, – улыбнулся Олег. – А за завтрак вон её, свою герцогиню, благодари. Это её повар нас так вкусно накормил.

– Ничего, местные тоже скоро начнут работать, как нужно, – Веда отвлеклась от своих интриганских мыслей и многообещающе покивала.

После ухода Бора, поняв, что регенту с герцогиней необходимо обсудить текущие дела, Веда откланялась и направилась в апартаменты, выделенные барону и баронессе Ленер на втором этаже правого дворцового крыла.

– Поедешь со мной на стойку? – спросил Олег у сестры. – По работе ты там не нужна пока. Как и я.

– Решил только семафорный телеграф строить? А когда дорогами займёмся? После войны, что ли?

Уля, наевшись, с радостным выражением на лице смотрела на своего кровного брата. Утвердительный ответ на своё предложение Олег видел и без её слов.

– Почему после войны? – Олег дал знак Моне, что они уже завершили завтрак, и встав из-за стола, пригласил Улю пересесть на диванчик. – Сейчас тоже будут строить. Только без нас.

Строить дороги здесь, в принципе, умели, и не хуже, чем древнеримские, прослужившие потом Европе много веков. То, что на дороги тут вечно не было денег – это уже другой вопрос, кстати, знакомый Олегу по состоянию дорог его родного города в оставленном мире.

– Ты же хотел от Фестала проложить трассы из мрамора во всех четырёх основных направлениях? – удивилась герцогиня, уютно устраиваясь в уголке дивана.

– Концепция поменялась, Уля. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Когда я так планировал, я ещё не думал становиться кем-то большим, чем соправитель Винора. А сейчас я уже регент и, если ты не забыла, хочу забраться повыше. Не обижайся, но я заберу у тебя обратно Псков – он станет моим стольным градом. Да и Сфорц весь целиком заберу. Трассы пойдут не от Фестала, а от Пскова во всех направлениях. А в остальных местах будут строиться обычные качественные дороги. Я найду на это силы и средства.

Уля от радости даже захлопала в ладоши.

– Обижаться на то, что ты забереёшь Сфорц? Смеёшься, что ли, Олег? Да я только и мечтала скинуть с себя эту обузу.

Смотря на искренне обрадовавшуюся сестру, Олег с грустью подумал, что её веселье продлится недолго. Буквально несколько ударов сердца. Пока он не откроет рот.

– Помнишь, я тебе как-то говорил, что нужно бояться исполнения своих желаний – они имеют свойство сбываться?

– Ты это вот сейчас о чём? – оставив в сторону свою весёлость, сразу же насторожилась Уля.

Она слишком хорошо его изучила за годы их совместных путешествий и работы. И суть его интонации уловила верно.

– О том, Уля, – вздохнул Олег, – что корону герцогини я у тебя не просто забираю, а меняю не глядя. На корону королевы Саарона. И не взбрыкивай, а то сейчас по попе получишь. Не посмотрю, что уже совсем взрослая и важная аристократка, – осадил он вскинувшемуся было сестру. – Нет у меня достаточного количества людей, кому бы я мог доверить такое. Ты ведь меня не бросишь?

– Олег! Да я ведь не об этом! – застонала Уля. – Я с герцогством-то еле управлялась. При том, что вокруг меня были наши замечательные друзья. А с королевством...

– Не боги горшки обжигают. Да и не брошу ведь я тебя. И в помощь себе кого-то из наших ребят возьмёшь. Да и зря ты так наговариваешь на нашу семью. Наблюдал я за тобой, приглядывал, как ты Сфорцем управляешь. Так что всё у тебя получится. Уверен. Читал я в одном толстом фолианте, что у монахов Роха брал, о деяниях многих коронованных женщин. И знаешь, что я тебе скажу? У них получалось гораздо лучше порой, чем у мужчин.

Вообще-то, в иносказательной форме во время их долгих совместных работ, он уже рассказывал ей о тех примерах земной истории, которые знал. И о Екатерине Великой, и об английской королеве Виктории, и о других, о которых что-то читал или слышал. Правда, Олег понимал, что его представления об истории весьма искажены. Не зря же сам Александр Сергеевич Пушкин призывал не верить историкам, потому что их труды очень хорошо оплачиваются.

Да ещё и из примеров своего бывшего мира он уяснил, сколько трактовок и лжи может быть вокруг даже одного не очень значимого события. И подкупать историков не надо, они и бесплатно соврут.

Вот что через триста лет могут сказать историки по поводу сбежавшего от английских упырей-живодёров, как раз в последние дни пребывания Олега в родном мире, кота Скрипалей? Да ничего толком не скажут. Кто-то будет опираться на одни источники, кто-то – на другие. Но никто ничего доказать друг другу не сможет, потому что все источники твердят прямо противоположное. Поэтому каждый будет трактовать так, как ему подсказывает его текущая политическая позиция и воспитание.

Впрочем, Олег, уже в этом мире, выработал для себя определённые критерии доверия-недоверия к событиям и фактам и им следовал.

– Если честно, Олег, когда ты рассказывал о тех великих женщинах, то тебя было очень интересно слушать. Правда. Но как-то, знаешь, это очень похоже на рассказы сподвижника Лойа. Интересно, но неправда.

Олег с интересом посмотрел на сестру. Он впервые столкнулся с таким скептическим подходом с её стороны.

– Ну хорошо, – кивнул он. – Допустим, те рассказы – чья-то выдумка. Но бирманскую королеву Иргонию ты ведь лично знаешь? И что, она хуже управляет королевством, чем её сосед Толер, король Геронии, или хуже, чем раньше управлял Лекс? Перестань себя изводить, Уля. Вот увидишь, всё у тебя получится. Так, – Олег хлопнул себя по коленям и встал: – Сиди не сиди, пьяным не будешь. Если ты со мной на стройку, то иди собирайся. Времени у нас в обрез. Я завтра вечером убываю туда, откуда ты вчера прибыла.

– В Псков? – тут же забыв о своих переживаниях, удивилась Уля.

– Ненадолго, – объяснил Олег. – Туда-обратно. Накоротке переговорю с Трашпом. Наш механик уже прислал телеграмму, что зашёл в тупик. Надо его оттуда срочно выводить, из этого тупика, – Олег коротко хохотнул. – Паровозы нам будут нужны уже в ближайшее время. Хочу организовать работу по их производству ещё до начала активных боевых действий.

Глава 6

Раз уж Уля увязалась за ним, то грех было бы этим не воспользоваться.

– Давай доедем до центрального карьера. Бабахнем там со всей дури нашей магии, и на этом вся наша магическая помощь на данном этапе строительства закончится, – предложил Олег сестре, когда они верхом выезжали через северные ворота. – Рельсов нашим каторжанам тогда до самого Вила хватит на оба пути. Ну а башни телеграфа и дорогу, – он махнул рукой, – без нас управятся.

– Бабахнем, – весело согласилась Уля. – А трассе М5 «Дон» появиться, значит, не судьба.

– Это тебе так кажется, Уля. Появится, вот увидишь. Только маршрут её будет другой – от Пскова до Саарона, где будет править самая мудрая, самая красивая и самая сильная, проще говоря, самая лучшая королева нашего мира Уля Первая Саарон.

– Да уж, – шмыгнула носиком погрузневшая будущая королева. – Тогда, эх, заживу. Спасибо, что напомнил.

– Ладно тебе заранее расстраиваться, – засмеявшийся Олег потрепал её по волосам. – Прорвёмся. Где наша не пропадала? Ты лучше подумай, в какой цвет тебе волосы на коронацию покрасить. Только не вздумай быть блондинкой!

– Это ещё почему? – заинтересовалась Уля.

Объяснять предвзятое отношение к беловолосым девушкам, бытовавшее в его родном мире, Олег не стал. Сохранил интригу. Зато рассказал сестре очередную историю, одну из таких, которые уже во множестве рассказывал во время подобных рабочих поездок.

В этот раз он ей поведал адаптированный к реалиям этого мира один из детективных романов Дика Френсиса. У этого английского писателя всё крутилось вокруг мира скачек. Уля лошадок очень любила, поэтому, позабыв про все грядущие свои неприятности, которые она уже заранее себе навывдумывала, с огромным интересом и удовольствием слушала рассказ брата. Как и всегда до этого. И не только она, кстати, упивалась интригой детективного сюжета, но и лейтенант Ушор, и ехавшие рядом ниндзя, как обычно в такие моменты, развесили уши.

– Я не понял, а кто будет бдительность проявлять, – напустил на себя строгий вид регент. – Вот так вот подкрадывайся, кто хочет, и нападай на вашего шефа.

Олег говорил это не всерьёз – он знал, что его ребятки службу несут ответственно. Ну а то, что они при этом и его байки слушают, так сам ведь научил их технике рассеянного кругового внимания. Ниндзя понимали, что регент их просто подначивает, но сделать вид, что не понимаешь шутки – это тоже шутка, и очень даже неплохая. Так что Ушор и его подчинённые приняли покаянный вид.

К полудню их кавалькада прибыла к главному карьере, где больше полутора тысяч рабов и такое же количество наловленного в сфорцевских городах отребья – «северян», как намного более рукастых, всех определили на строительство телеграфной линии и дорог, наготовило огромное количество рельсовых форм.

– Всё же удачно, что ты со мной поехала, – признал Олег. – Один бы я за раз не управился.

К моменту, когда бесчисленное количество форм, выложенных на огромной площадке, были укреплены заклиниванием до состояния магического мрамора, в резерве у Олега осталось меньше трети, а у Ули вообще четверть. Это он перед поездкой немного не подрассчитал объёмы предстоящих работ.

– Вот видишь, – улыбнулась герцогиня, – а ты всё время норовишь от меня куда-то сбежать. Как и в этот раз. Я в Фестал из Пскова – ты тут же в Псков из Фестала. Олег, я тебе сильно надоедаю своими вопросами?

– Перестань выдумывать, Уля. Я в наш с тобой родной город по делу и ненадолго. К тому же тебе тут есть чем пока заняться – Клеменция вся извелась, пока тебя ждала. К Монсу съездите, там наверняка много новинок.

Начальник лагеря уже организовал для регента с герцогиней и их эскорта из ниндзя, с которыми Олег и Уля, не чинясь, расположились за одним длинным столом на первом этаже в здании штаба, вполне съедобный обед.

– Какие новинки, Олег, – вздохнула Уля. – Я ведь только из Пскова приехала, и эти новинки видела намного раньше Монса.

– Ну ты видела, зато Клеменция с Прилой не видели. Как и остальные дамы высшего фесталяского общества. – Что-то вспомнив, Олег добавил: – Которым трудно избежать одиночества. Да. Меладзе так вроде бы пел?

– Кто? – удивилась Уля.

– Неважно, – отмахнулся Олег, – Ты, кстати, зря на начальника лагеря вызверилась. Нормальный мужик. Я его ещё в Геронийском походе приметил и сделал тогда сержантом. Честный, основательный.

– Да я поняла уже, – согласилась Уля. – Сейчас поедим, и я пойду извинюсь.

Вины начальника лагеря в затрапезном виде многих работников и в самом деле – Олег был уверен – не было. План работ каторжане и рабы перевыполняли с большим отрывом, а вот приучить вчерашних бомжей следить за собой было много сложнее – их даже умываться приходилось заставлять порой плетью. Руководители работ здраво рассудили, что лучше свою энергию в данных конкретных обстоятельствах направить на повышение эффективности производства, а уж заняться привитием бомжам привычек к чистоте и уходу за собой можно будет и попозже, когда аврал спадёт.

– Не вздумай, – Олег остановил душевный порыв сестры. – Повелители и монархи никогда не извиняются. Лучше перед отъездом его чем-нибудь награди. Да вот хотя бы здоровьем. Бахни на всю мощь. Пусть человек ощущения молодости вспомнит и ощутит.

Перед их отъездом начальник лагеря, казалось, готов был Уле все ботфорты обслушивать. Вот совсем другое дело. А то ходил угрюмый, мрачнее тучи, после той взбучки, что ему сестра устроила.

– Раз с рельсами завершили на данном этапе, то гоните свою рвань на ремонт дороги до Орежа, – Олег поставил бригадирам, собравшимся, чтобы проводить регента в дорогу, другую задачу. – Только свяжись сначала с главным дорожным распорядителем насчёт материалов, – напомнил он начальнику лагеря. – Да и западный тракт правильней будет не ремонтировать, а укладывать по новой. Мне доложили, что там от дороги одни ямы остались. Больше щебня заказывай. И то, что герцогиня вам высказала, имейте в виду. Чтобы в следующий мой приезд ваши работники не выглядели грязнулями, как опустившиеся уличные алкаши.

Олег рассудил так, что толку на строительстве телеграфных башен от этих рукозядых «южан» будет намного меньше, чем если их использовать на работах, не требующих квалификации. А на телеграф можно будет часть бывших вилских смутьянов перебросить. Впрочем, и это делать необязательно – всё равно пока нет достаточного количества подготовленных телеграфистов. Так что со строительством башен можно и не гнать, строить их не в авральном режиме.

Поэтому его первоначальные планы на сегодня – проконтролировать строительство вилского направления – и были изменены.

– Возвращаемся во дворец, – пояснил он Уле, когда та заметила его знак, поданный лейтенанту Ушору. – На сегодня мы с тобой и так пятилетку за три года выполнили. Я завтра хочу с утра пораньше отправиться в Псков, поэтому сегодня все дела с Клейном насчёт упрощения налогов на недвижимость хочу утрясти. Капец, Уля, я уже не знаю, за что хвататься, – неожиданно даже для самого себя пожаловался он сестре.

Ушор отправил пару дозорных ниндзя вперёд на ту же дорогу, по которой они приезжали.

– Зато всё бросить и уехать заниматься каким-то паровозом, на это у тебя время есть. Скажи хоть, что это такое, Олег. Ну, правда же, интересно. Я у Трашпа была, но ничего не поняла. Да он, кажется, и сам смутно представляет всё это. Я видела чудовище, которое он в своём исследовательском центре соорудил. Ужас какой-то пыхтящий. На твой аппарат по изготовлению сивухи чем-то похожий. Олег, ну скажи, а? Что это за паровоз такой?

– Ты уже половину, считай, поняла. Действительно, ужас пыхтящий. Он так и будет чух-чух-чух, а ещё ту-туу, – объяснил Олег, но увидев, как набычилась Уля, перешёл на серьёзный тон: – Это самодвижущийся механизм будет. По рельсам нашим таскать вагоны. С большей скоростью и без использования мускульной силы рабов.

– Лошадок, что ли, будешь использовать? – удивилась герцогиня. – Так они на шпалах все ноги себе переломают.

– И без лошадок, Уля. Слушай, давай дождись, как сделаем. Так, на одних только словах, сложно объяснить. Я тебе обещаю, что ты будешь первой пассажиркой поезда, который поведёт паровоз. Если, конечно, у меня получится. Но думаю, что всё удастся. Я ведь не собираюсь массовое серийное производство этого чуда техники организовывать. Нет у меня ни производственных технологичных мощностей, ни квалифицированного промышленного персонала. Но уж изготавливать единичные экземпляры-то мне будет не очень сложно. В отличие от Ползунова или братьев Черепановых, у меня под рукой магия. А благодаря ей – сталь любой прочности и гибкости. Да и со сваркой стальных листов или конструкций у нас ведь с тобой проблем нет? Так что с десятков экземпляров можно сделать. Нам такого количества на ближайшие годы хватит с избытком.

Уля внимательно слушала и на удивление кое-что всё же понимала.

– Кто эти люди? – поинтересовалась она насчёт упомянутых Олегом изобретателей. – Ты их уже где-то нашёл?

– Нет, Уля, – вздохнул Олег. – Эти люди жили в других далёких местах и очень давно. Но чертежи и схемы их изобретений мне как-то в интернете – ну, это фолиант такой, очень толстый – попадались. Я, правда, смутно там всё понял, но голова-то у меня на плечах вроде бы есть.

Он шутиливо потрогал себя за затылок.

– У тебя самая умная голова, Олег, ты самый...

– Сейчас не об этом, – придержал он сестру в её красноречии, взяв крепко за локоток.

Уля могла распинаться, какой он замечательный, бесконечно долго, и повторяясь по многу раз. И делала это совершенно искренне. Олег понимал, что Уля его обожает. Чего уж тут скрывать, ему это нравилось – а кому бы такое не понравилось? – но всему должна быть мера.

– А когда ты его сделаешь, паровоз этот?

– Не знаю. Но хотелось бы, конечно, побыстрее.

Поселение свободных крестьян, которое они проезжали по дороге к главному карьеру и обратно, выглядело ещё вполне солидно, вот только низко кланявшиеся регенту люди выглядели ничуть не лучше крепостных или сервов. Глядя на их изношенные одежды, на осунувшиеся лица – и это в середине лета, когда уже был собран первый урожай и собирался второй – Олег с некоторой тревогой и грустью подумал, что все его необходимые передовые начинания пока совсем ничего не дают простому народу. Конечно, Сфорц не в счёт, но и там голодранцев намного больше, чем ему хотелось бы.

Конечно, во многом «вина» в подобной нищете, как и в любом средневековом обществе, лежит на высокой рождаемости. Пять-шесть детей не только в крестьянской, но и в городской семье – это, считай, норма. Но и десятком, и более детей никого здесь не удивить. И это при довольно высокой детской смертности.

Несмотря на наличие в этом мире магии с её распространённым заклинанием Плодородие, всё равно случались неурожайные годы. Вкупе с экстенсивным способом ведения сельского хозяйства, когда увеличение урожаев достигалось только за счёт увеличения посевных площадей, всё это приводило к частым вспышкам голода, сопровождаемым массовыми эпидемиями, которые уносили порой от трети до половины населения.

В его родном мире в такую же средневековую эпоху та же Европа нашла выход в массовой миграции населения.

Люди уезжали в Россию, в Америку и даже бежали в непролазные джунгли Амазонки, Индонезии или Полинезии, где, по свидетельству очевидцев, выживал едва один человек из десятка в поисках хоть какого-то пропитания. Остаться на месте – означало умереть с голоду.

В этом мире тоже многие люди пытались решать свои проблемы переселением в другие места. Но крепостным или сервам бежать возможности не было. Да и куда? Во всех государствах Тарпеции ситуация была схожей.

– Заняться бы генетикой, – подумал Олег вслух. – Но это уж точно фантастика. А вот насчёт селекции стоило бы подумать. Получить более продуктивные сорта зерновых или бобовых. Или овощей. Свиной новых вывести, не таких тощих и жилистых, как эти.

Герцогиня как-то подозрительно посмотрела на брата, не понимая, что это за очередные шутки. Или это он всерьёз?

А Олег-то как раз в этот момент был серьёзен, как никогда. Вот раньше в книжках было легко себя воображать таким крутым brutальным мачо, идущим к вершинам власти по трупам. А тут увидишь девочку, вот как эта, что сейчас смотрит на их кавалькаду из-за ограды, лет десяти-одиннадцати, тощую, как сверчок, с шейкой, толщиной с соломинку, так сердце кровью обливается. Реально хочется что-то этакое сотворить, чтобы больше таких жутковатых картин не наблюдать.

– Олег, а ты насчёт Растина что решил? – вдруг спросила Уля, видимо вспомнив об отправленных через Псков к регенту разведчиках Агрия.

Известия, которые ему рассказал очевидец событий, произошедших в республике, Олега насторожили. Нет, понятно, любая заваруха и разборки в стане неприятеля – это хорошо, но вот появление там магов с Валании, южного континента, не могло не вызвать у него беспокойности. Слишком хорошо помнили в южных и центральных государствах Тарпеции «гостей» из-за Диснийского океана. След в памяти людей они оставили сильный.

– Пока ничего не решил, Уля, – ответил он. – Тамошняя смута за один день, думаю, не закончится. Так что время заниматься своими первоочередными задачами у нас есть. Но и упускать растинскую ситуацию из вида, конечно же, нельзя. Я уже дал команду Агрию увеличить количество наших разведчиков в тех краях.

– А у него их столько найдётся? – резонно засомневалась герцогиня. – У него и так все сейчас на соседние три королевства брошены.

– Ты права, – согласился Олег. – Но у него есть бездельники в резидентурах Бирмана, Геронии и Отана с Аргоном. Пусть оттуда их перенаправит. Я шучу насчёт бездельников, конечно. Но там сейчас реально пока тишина, и ловить там нечего.

– Я понимаю, что шутишь. Но эти... маги эти, валанийские. Про них говорят, что у них и резервы большие, и заклинания они знают нам неизвестные.

Может магам Тарпеции какие-то заклинания валанийцев и не были известны, но уж Олег-то точно их знал, спасибо Сущности. Но напоминать о своих возможностях Уле он не стал.

– Разберёмся. Пусть растинцы сначала сами у себя определятся, кто у них власть. И оросцы пусть там пошустрят – раз хотят весь путь по Ирменю под себя подмять, то им и надо включиться в республиканскую заваруху. Да, как я понимаю, и наши добрые друзья из Хадонской империи туда уже кинулись. Ты в курсе, что твой любезный маркиз Орро ни Ловен, направившийся ко мне в Фестал, в Броге резко изменил направление своего движения и отправился

в Растин? Пусть там бодаются друг с дружкой. А мы понаблюдаем со стороны и потом будем работать с победителями.

Невольная усмешка Олега этим победителям не сулила ничего хорошего.

Услышав имя одного из самых ушлых дипломатов божественной Агнии, Уля бросила быстрый и даже какой-то виноватый взгляд на брата. Видимо, решала для себя, догадывается он или нет?

«Эх, Улька, – подумал, мысленно усмехнувшись, Олег, – да попаданцу все здешние, не доросшие до шекспировских, страсти видны как на ладони. Олег давно уже разглядел, что маркиз, которому он когда-то вернул здоровье, тревожит душу и сердце его сестры. С Нечаем у неё, кроме общей постели и детских воспоминаний, и нет ничего общего. Конечно, и этого немало, но не всегда достаточно.

Вот и мечется душой Уля между своим другом детства и староватым для неё, даже по здешним меркам, маркизом, который смутил неискушённый девичий ум.

Олег принципиально пока в это не вмешивался и Гортензию убедительно попросил не лезть. Пусть Уля сама решает. Пора ей становиться взрослой окончательно. А то ребёнок с атомной бомбой в руке – а по сути, его сестра именно это собой и представляла – слишком непредсказуемая штучка.

Королевский дворец встретил их звуками музыки ансамбля имени попаданца Олега под управлением заслуженного деятеля искусств Винора Моцарта. Так регент для себя определил почётное звание своего музыкального воспитанника, впрочем, вслух официально пока этого не огласив.

– Как бы моих музыкантов работой до смерти не замучили, – забеспокоился Олег. – Лис, – обратился он к встречающему его лейтенанту, – сколько уже тут этот концерт идёт?

– Да как в обед начался, прямо там, в зале официальных приёмов, где и накрыли столы, так до сих пор и не прекращался, – сообщил ниндзя, временно выполняющий обязанности секретаря регента.

– Нет, ты слышала, Уля? – обратился он к засмеявшейся герцогине. – И ничего смешного я не вижу. Надо выручать Моцарта с его джаз-бандой.

Глава 7

Всё же почувствовать себя хоть в чём-то Наполеоном этого мира Олегу случилось.

В мире Талареи, как когда-то везде было и на Земле, движение по дорогам или тропинкам осуществлялось по левой стороне. Да это и понятно почему.

Что в этом мире, что в родном, подавляющее большинство людей – правши. Поэтому, идя по левой стороне, гораздо удобнее и руку встречному пожать, и в морду ему дать, и дубинкой стукнуть или мечом кольнуть.

На Земле однажды Великая французская революция выдала миру много глупостей вроде переименования месяцев во всякие термидоры, брюмеры, нивозы или ещё в какие-то трудно выговариваемые словечки, названия которых Олег или забыл, или не знал. Вот чем, спрашивается, Робеспьеру, Мюрату и прочим революционерам февраль или декабрь помешали? Ладно там июль или август, с ними понятно, они в честь императоров получили названия. А март-то при чём? Но вот сделали же. Впрочем, это всё не сохранилось и ушло в прошлое.

А вот движение по правой стороне дорог, введённое той революцией, осталось во многих странах. Когда армии Наполеона пошли по Европе, то от Неаполя до Кенигсберга, от Лиссабона до Москвы их колонны шли по правой стороне, считая встречных на другой край дорог. В отличие от названий месяцев, это революционное новшество прижилось.

Мало того, к такому порядку организации движения привык и Олег. Так что когда встал вопрос, какая колея рельсовой дороги в каком направлении будет обеспечивать движение дрезин, то он установил, что правая – это вперёд, а левая – это обратно. А заодно, недолго думая, распорядился отдельным указом регента королевства установить такой же порядок движения и на трассах, и на дорогах Винора.

– Ты думал, мы проспим и не выйдем тебя проводить? – ранним утром, когда он подошёл к лестнице, чтобы спуститься к выходу, поприветствовала его Уля.

Рядом с ней стояла целая делегация во главе с самой винорской королевой.

– Возражения не принимаются, мы едем с тобой до вокзала, – категорично заявила Клемения.

Олег изобразил радостное удивление, хотя, конечно же, от своих вездесущих ниндзя знал о подготовке к его проводам заранее.

Лешик и Клейн, дряни такие, тоже присутствующие сейчас в толпе, как и супруги ри Брог, ему ничего об этом мероприятии не сообщали. А реально сейчас собралась целая толпа, как будто бы новобранца из села в советскую армию провожают – Олег однажды сцену такую в старом фильме видел. Не хватало только подвыпившего мужика с гармошкой.

Судя по бравому виду генерала Шереза, командир его гвардии решил лично возглавить эскорт.

– Тебе-то чего не спится, старый ловелас? – пожурил генерала Олег.

– Да вот стараюсь, как видишь, почаще тебе на глаза попадаться, чтобы хотя бы в этот раз, когда отправишься на войну, меня не забыл здесь, – Шерез говорил негромко, чтобы его неформальное общение с регентом дальше круга посвящённых не было слышно.

– Постараюсь. – Олег не стал ничего обещать своему давнему соратнику, но он давно уже решил дать возможность Шерезу проявить себя, а то и правда мхом покроется и паутиной зарастёт.

– У гвардии другие задачи, – сыпанул соли на рану гвардейца генерал Чек.

Олег вздохнул и сделал шаг в мини коридор, стенами которого являлись Клемения и Прила с одной стороны, а Уля и Веда – с другой, отделив от него мужскую часть провожающих.

– Пройти-то я могу? – вежливо поинтересовался он.

Казалось, что к фестальскому вокзалу отправился весь королевский двор. Одних только карет было десятка полтора.

А ведь когда Олег планировал вчера свой выезд, то одной из причин столь раннего отправления как раз и было его нежелание устраивать проводы. Хотел уйти по-английски. Наивный.

– Дрезина ждёт, – Капитан Очевидность доложил об этом, когда они прибыли на вокзал.

Вернее, не доложил, а сказал, и не Капитан Очевидность, а генерал Чек, который вместе с Гортензией ехал в первой карете длинного каравана. Но суть-то была понятна.

Да и как дрезине не дожидаться регента, если никакого расписания движения поездов не существовало и в помине? О том, что оно в скором времени появится, знал пока только сам Олег. Дрезинные поезда ходили в любое время по приказам регента, герцогини ре Сфорц и любого Олегового министра.

Никакой неразберихе или тем более рельсовым катастрофам такой порядок не способствовал. Двухпутная дорога позволяла не беспокоиться о возможности столкновения встречных поездов.

Так что, как и положено, на правом по направлению движения пути стояла дрезина с двумя каретами-вагонами, каждый на четыре купе и комнатку вагонного слуги.

– Олег, ну ты и правда в самом деле недолго, – сказала Уля.

Веда, та пыталась изобразить слезливое настроение, а может, и действительно расчувствовалась так.

Зато остальные провожающие выглядели озабоченными – привыкли по любому поводу бегать к нему за советами. Государственные деятели имперского, в самом ближайшем будущем, масштаба. А их будущий император взял да и отъехал, пусть и ненадолго. Теперь им решения все самим принимать и нести за них ответственность.

Клейн по своей мерзкой привычке попытался и в дорогу нагрузить регента работой, сунув одному из ниндзя большой сундук с бумагами, как Олег догадывался, с проектом налоговых и административных реформ, но регент, отправляющийся в деловую поездку, этот поступок своего премьер-министра приметил и дал команду ниндзя вернуть бумаги отправителю.

– Клейн, без тебя и твоих пояснений я эту тягомотину смотреть не собираюсь, – пояснил он своему главному бюрократу. – Но как приеду, то первым делом займусь этими бумагами.

– Первым делом, я надеюсь, ты расскажешь нам, как съездил и про паровоз, – возмутилась Клемения.

Олег с укоризной посмотрел на проболтавшуюся королеве Улю, чем довёл её до смущения, и пообещал Клемении, что, конечно же, с бумагами Клейна он займётся в первую очередь, но только после беседы с нею.

Не хватало марша «Прощание славянки» в момент разгона двумя десятками рабов-бурлаков дрезины. Олег решил, что научит этому маршу, как и другим, свой ансамбль. Пригодится. Не всё же использовать искусство исключительно в мирных целях. Когда-то появятся и военные оркестры.

Наконец поезд тронулся, и Олег, помахав через окно рукой провожающим друзьям и соратникам, с облегчением сел на диван в одном из купе – построить себе персональный регентский вагон он не удосужился, да и не собирался.

– Мона, – обратился он к своей верной служанке, которая вместе с мужем отправилась в это путешествие, чтобы помогать регенту в его бытовых нуждах. – Накрой нам с офицерами стол здесь. Я их приглашаю позавтракать со мной.

Вагонов-ресторанов в среднесрочной перспективе создавать тоже не планировалось, а завтракать во дворце Олег не стал, чтобы не затягивать время отъезда. Так что когда настала пора подкрепиться – а есть в одиночку Олегу было скучно – то он решил организовать себе питание в купе, как когда-то в иные времена и в ином пространстве.

Насчёт того, что дрезины мчались со скоростью доселе в этом мире невиданной, Олег себе немного польстил. Лошади могли, перейдя на полный галоп, двигаться быстрее. Но долго выдерживать такой темп, естественно, были не в состоянии. В отличие от дрезин.

Этот суррогат поездов, созданный попаданцем, разогнавшись, мог уверенно, силами двух четвёрок сменяющих друг друга рабов, держать скорость около шестидесяти лиг в склянку.

С учётом времени, которое требовалось на разгон и торможение, расстояние примерно в сотню лиг между станциями, на которых происходила замена рабов, преодолевалось за пару склянок.

– Башни телеграфа красиво смотрятся, – высказался Ушор.

Все пассажиры поезда отправились в такую удивительную поездку первый раз в своей жизни, поэтому от окон практически не отлипали.

– Ты ешь, – усмехнулся Олег. – Насмотреться всегда успеешь.

Но зрелище, открывающееся из окна купе, и правда завораживало – ровная лента мраморной трассы, высокие башни семафорного телеграфа вдоль неё и девственная природа винорских лесов.

– Смотрите! – вскрикнул лейтенант Лис, показывая пальцем на одну из башен, где мигали передаваемые по линии сигналы. – Какое-то сообщение!

Этот профессиональный убийца, один из самых умелых и опытных его ниндзя, сейчас напомнил Олегу его двоюродного брата Семёна, которого в шестилетнем возрасте тётка привезла к ним в гости.

Пятнадцатилетнему Олегу тогда доверили прогуляться с братиком до магазина за мороженым для него. Их путь лежал по аллее вдоль одной из центральных дорог. Олегу вспомнилось, как сильно он стыдился, когда при виде каждого проезжавшего автобуса, троллейбуса или трамвая Семён громко и восторженно кричал: «Олег! Смотри, автобус!» или «...трамвай!», или «...троллейбус!», вызывая насмешки или улыбки на лицах прохожих.

Но здесь Олегу стыдиться было некого – все, словно дети, испытывали восторг не меньший, чем лейтенанты ниндзя, вместо завтрака, на который их пригласил сам регент с удовольствием пялящихся в окно.

– Это о нашей поездке сигнализируют, – предположил Ушор.

– Да ну, – засомневался Лис. – О нашей поездке уже давно отсемафорили. Это что-то другое. Интересно что? Может, это командующий какие-то указания начальнику штаба армии в Псков передаёт?

Ушор хотел тоже высказать свои мысли и предположения по поводу содержания передаваемой телеграммы, но оба офицера были приведены в чувство регентом.

– Ну вы будете жрать или нет? – грозно и раздражённо спросил Олег.

На первой же станции их ждали выстроившиеся вдоль перрона связисты полусотни охраны.

Немного, конечно, отдавало сюрреализмом несение службы на станциях солдатами войск связи, но раз уж так получилось, что станции рельсовой дороги выполняли и роль опорных узлов связи, задачей которых было обеспечение безопасности и бесперебойности работы телеграфной линии, то пришлось связистам взять на себя и частичные функции по обеспечению пригляда за функционированием рельсовой дороги. И в самом деле, не создавать же было ещё и железнодорожные войска?

– Откуда раненые? – спросил Олег капитана.

Вместе с начальником узла связи он обошёл все строения станции. Поднялся на башню к телеграфистам, посетил штаб, казарму, столовую, караулку, конюшню и барак для рабов. Увиденным остался доволен.

Свою инспекцию он провёл вовсе не потому, что не доверял Уле и её распорядителям работ, а просто хотел получить личные впечатления от проделанного.

– Тут неподалёку банда завелась, – объяснил капитан. – На трассе E95 они не безобразничали и на телеграф не нападали. Орудовали на просёлочных дорогах. Местный владетель погиб под Орежем. В замке только вдова с маленькими детьми. Дружина у неё слабая. Баронесса попросила, и я принял решение помочь. Я неправильно сделал? Мне надо было дожидаться егерей? Просто королевские сейчас все на границах, а наши... – капитан был явно из сфорцевских, Олег его уже где-то видел, но не мог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах. – Наши все в герцогстве.

– Нет. Ты всё правильно сделал, – одобрил действия офицера регент. – Это пока бандиты не почувствовали свою безнаказанность, они не лезли к нашим объектам, но со временем бы точно распоясались. Кроме этих двоих легкораненых, потери у тебя какие-нибудь были?

Пару «подранков» Олег исцелил сразу же, как прошёл вдоль почётного строя. Поднимать дух своих солдат и вызывать у них воодушевление он никогда не забывал и делал это при любом удобном случае.

– Откуда? – презрительно скривил губы капитан. – После того, как мы банду окружили, на то, чтобы их всех побить и повязать, ушло не больше десятины склянки. Их и было-то, неумех, два десятка с небольшим. Вы, как дальше поедете, через пять лиг их увидите – я приказал их на опушке Гнилого леса всех повесить. Они из сбежавших, – тут же пояснил он, заметив брошенный на него острый взгляд регента.

Амнистия в отношении «лесных братьев», объявленная регентом Винора и поддержанная королевой, касалась в основном разбойников и бандитов, орудовавших в Вилской провинции. Но и в остальных провинциях королевства Олег приказал пойманных разбойников и бандитов не спешить казнить.

Местным властям, как коронным наместникам, так и владетелям, при поимке преступников предписывалось проводить разбирательства, по результатам которых разбойников, не успевших запятнаться кровью, отправлять не на виселицу, а на каторгу.

Причем в указе регента особо обращалось внимание, что при проведении расследований, применяемые пытки не должны быть членовредительскими.

Спасибо телеграфу. Благодаря ему довольно быстро с помощью сфорцевского главного палача Нурия, умельца получать быстрые и искренние показания даже с помощью обычных дыбы и кнута, был составлен и разослан уже гонцами подробный циркуляр дознавателям с подробным описанием правильного применения орудий пыток.

Понятно, что мгновенного результата ждать от неопытных заплочных дел мастеров не следовало, но, как говорил известный в родном мире Олега персонаж, процесс пошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.